

INSPIRIA

18+

COURTING
the

Bromance

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО КНИЖНОГО КЛУБА:
НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАТЬ О КНИЖНОМ КЛУБЕ

ТАЙНЫЙ КЛУБ *романтиков*

ЛИССА КЕЙ
АДАМС

INSPIRIA

Passion. Bromance. Тайный клуб

Лисса Кей Адамс

**Bromance. Тайный
клуб романтиков**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кей Адамс Л.

Bromance. Тайный клуб романтиков / Л. Кей Адамс — «Эксмо», 2019 — (Passion. Bromance. Тайный клуб)

ISBN 978-5-04-156531-2

«Bromance. Тайный клуб романтиков» — первая часть многообещающего цикла, от которого невозможно оторваться. Книга Лиссы Кей Адамс надежно закрепилась в списке лучших романтических историй Amazon. Вам когда-нибудь хотелось залезть в чужую голову? Героям «Тайного клуба романтиков» — очень. Они пытаются разобраться в психологии взаимоотношений, ведь мужчины и женщины так по-разному рассуждают на тему любви. Роман Лиссы Кей Адамс поднимет вам настроение, особенно если вы женщина. А диалоги накачанных бейсбольных игроков рассмешат до слез. «Тайный клуб романтиков» — это оригинальный сюжет, который захватит вас с первых страниц. А Netflix очень скоро порадует читателей экранизацией этой ни на что не похожей истории. Добро пожаловать в тайный клуб романтиков! Проблемы в отношениях? Встали не с той ноги? Не знаете, как жить дальше? Книжный клуб Bromance к вашим услугам. Мы называем его Bromance, ведь это больше, чем книжный клуб. Это братство. Вы спросите, как же все будет? Все просто. Члены клуба читают любовные романы, которые помогают разобраться в психологии взаимоотношений. Мы называем их «инструкциями». Заинтересованы? Еще бы. Чего у нас только ни происходит... Заварушка на заварушке... Все вместе мы ищем ответ на, пожалуй, самый сложный вопрос: чего хочет женщина? И, кажется, мы его нашли. Только тсс... Никому ни слова. «В каждом городе обязательно должен быть такой книжный клуб». — Эви Данмор «Веселая и искренняя история о любви, в которой идеально выдержан баланс между романтикой и темой братства». — Kirkus Reviews «Смейтесь от души. Вы обязаны прочитать эту книгу». — Эйвери Флинн «Я вновь и вновь спешила к этому томику, чтобы продолжить его читать, и так не хотела, чтобы он заканчивался». — Алекса Мартин

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156531-2

© Кей Адамс Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	23
Завоевание графини	29
Глава четвертая	32
Глава пятая	37
Глава шестая	42
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лисса Кей Адамс
Bromance
Тайный клуб романтиков

Lyssa Kay Adams

THE BROMANCE BOOK CLUB

Copyright © 2019 by Lyssa Kay Adams

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Cover design and illustration by Jess Cruickshank

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Инны Ермолиной

© Ермолина И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моей бабушке

На этот раз я определенно отрыла червяка с колокольчиком

Глава первая

Гевин Скотт редко напивался. По одной простой причине – он совсем не умел пить.

Вот и на этот раз, потянувшись за бутылкой, Гевин упал с дивана и уткнулся лицом в ковер. Да так и валялся на полу, потому что спяну в темноте не соображал, в какую сторону ползти.

И когда в дверь его номера постучали, он был не в силах подняться. Все происходило в четырехэтажной убогой гостинице, будто специально предназначенной для чемпионов по умению вляпаться в дерьмо, каким и ощущал себя Гевин.

– От-тры-то, – еле ворочая языком, пробормотал он.

Дверь распахнулась. Его лучший друг и товарищ по команде *Nashville Legends* Дэлрей Хикс щелкнул выключателем и выругался.

– Черт! Пьяный в стельку! – Он повернулся и сказал кому-то: – Помоги мне.

Дэл и еще какой-то громила ввалились в номер, четыре мощные руки схватили Гевина за плечи. В одно мгновение его приподняли и прислонили к задрипанной кушетке. Потолок плыл, стены качались, и голова Гевина безвольно откинулась на подушки.

Дэл похлопал приятеля по щеке.

– Давай-ка оживай.

Гевин со свистом втянул воздух, стараясь держать голову прямо. Поморгал, прижал ладони к глазам.

– Я нетрезв.

– Да ну?! А мы и не заметили! – усмехнулся Дэл. – Что пил-то?

Гевин вяло указал на бутылку крафтового бурбона на журнальном столике. Пару недель назад местная винокурня в честь окончания сезона вручила каждому члену команды по бутылке.

Дэл опять выругался.

– Вот это дерьмо? Ты бы лучше залил глотку спиртом!

– Спирта не нашлось.

– Принесу воды, – сказал громила. Его лицо расплывалось перед глазами: вроде бы Брейден Мак, владелец нескольких ночных клубов в Нэшвилле. И откуда взялся этот хлыщ? Что он здесь делает? Гевин и видел-то его всего раз на благотворительном матче по гольфу. С каких это пор он у Дэла в друзьях?

Внезапно в номере возник кто-то третий. Гевин узнал товарища по команде Яна Феличиано.

– *Como es el?*

Как он? Гевин понял. Ни хрена себе, по пьяни аж испанский попер!

Дэл покачал головой.

– Надрался и оброс, как Эд Ширан, не дай бог запоет.

– *No me gusta*¹ Эд Ширан, – икнув, отозвался Гевин.

– Заткнись, – отрезал Дэл.

– Надо же, по-испански я не заикаюсь. – Гевин снова икнул и почувствовал кислый привкус во рту. – Спяну то есть.

Ян выругался.

– *Que pasó?*²

– Тея потребовала развода, – объяснил Дэл.

¹ Мне не нравится (исп.). – Здесь и далее прим. перев.

² Что случилось? (исп.)

Ян присвистнул.

– Ну и ну! Жена говорила, что у них проблемы, но я не поверил.

– А т-ты п-поверь. – Гевин застонал, прислонив голову к кушетке.

Развод. Жена, с которой они прожили три года, мать его дочурок-близнецов, женщина, заставившая поверить его в любовь с первого взгляда, решила поставить точку в их отношениях. И виноват в этом только он сам.

– Выпей. – Дэл протянул Гевину бутылку воды. Потом повернулся к Яну: – Он здесь уже две недели.

– Она меня выгнала! – рявкнул Гевин, отшвырнув неоткрытую бутылку.

– Потому что ты вел себя как придурок.

– Знаю.

Дэл покачал головой.

– А ведь я тебя предупреждал.

– Было дело.

– Говорил тебе: перестань вести себя как козел, ей в конце концов осточертеет.

– Да говорил, говорил, – прорычал Гевин, резко вскинув голову.

Слишком резко. Накатила тошнота: бурбон устремился к ближайшему выходу. Гевин сглотнул и сделал глубокий вдох, пытаясь справиться с дурнотой... черт! На лбу и под мышками выступил пот.

– Твою мать, да он весь позеленел! – заорал Кажется-Брейден-Мак.

Крепкие ручищи подняли бедолагу так, что ноги едва касались пола. Дэл и Да-точно-Брейден-Мак поволокли Гевина в ванную. Он споткнулся об унитаз, и тут же изо рта у него хлынула субстанция мерзкого цвета, под стать его поступкам. Зажав нос и матерясь, Мак вылетел из ванной. Дэл оставался рядом, даже когда Гевин, содрогаясь, кряхтел над унитазом, как теннисистки на корте.

– Ты же вообще пить не умеешь, – напомнил Дэл.

– Умираю... – Гевин застонал, рухнув на одно колено.

– И не надейся.

– П-моги же. П-ложи конец мучениям.

– Лучше не дразни.

Гевин осел на задницу и привалился к бежевой стене. Колено ударилось о бежевую ванну, скрытую пластиковой занавеской того же оттенка. Гевин зарабатывал пятнадцать миллионов в год, а завис в самом дерьмовом гостиничном номере. Дерьмовее тех, в которых жил, когда играл в низшей лиге. Он мог бы позволить себе роскошные апартаменты, но в качестве наказания гадючник подходил куда больше. За то, что из-за собственной гордости потерял самое дорогое в жизни.

Дэл спустил воду и закрыл крышку унитаза. Вышел и тут же вернулся с бутылкой воды.

– Пей. Я серьезно.

Гевин открыл бутылку и залпом втянул в себя половину. Через несколько минут комната перестала вращаться.

– Какого хрена здесь все эти чуваки?

– Скоро узнаешь. – Дэл сел на крышку унитаза и наклонился вперед, упершись локтями в колени. – Полегчало?

– Нет. – Гевин всхлипнул. Проклятые слезы. Не хватало еще разнюниться перед другом. Он зажмурился и надавил большим пальцем между бровями.

– Хочешь реветь – реви. – Дэл легонько ткнул приятеля носком кроссовки. – Не стесняйся.

Гевин прислонился головой к стене, по щекам покатились две слезы.

– Как подумаю, что потерял ее, сердце разрывается.

– Не бойся, не потеряешь.

– Придурок, она же х-хочет р-развестись.

Дэл не обращал внимания на его заикание. Как и все в команде. Гевин будто забывал, что он заика, общаясь с ребятами. В том была заслуга Теи – одна из длинного списка ее достоинств. До встречи с ней он комплексовал, стеснялся говорить даже со знакомыми. А Тея осталась невозмутимой, когда он впервые начал при ней заикаться. Она не пыталась закончить за него фразу, не отворачивалась, выказывая раздражение или нетерпение. Просто ждала, пока он договорит. Только с ней и со своей семьей он не чувствовал себя неуклюжим, заикающимся тормозом.

Тем большим предательством стала ее ложь, которая открылась месяц назад. Да, именно так это и называется. Ложь.

Его жена притворялась в течение всего их брака. Она, оказывается, лишь имитировала оргазм.

– Так и сказала – «хочу развод»? – спросил Дэл. – Или предложила «подумать о разводе»?

– Какая, на хрен, разница?

– Если первое, значит, она все уже решила. Если второе, шанс еще есть.

Гевин поелозил головой по стене в знак несогласия.

– Никаких шансов. Т-ты бы слышал ее тон. Говорила со мной, как чужая.

Дэл поднялся и навис над другом.

– Так ты хочешь помириться с женой?

– Да. – Господи, конечно! Отдал бы все на свете!.. Вот зараза, в горле опять комок.

– На что ты готов ради примирения?

– Да на что угодно!

– Точно?

– Ч-ч-что за вопрос? В лепешку р-расшибусь, лишь бы вернуть ее!

– Ну ладно. – Дэл протянул руку. – Тогда пошли.

Гевин позволил Дэлу поднять себя и поплелся за ним в гостиную. Тело весило не меньше тонны: спотыкаясь, он с трудом добрал до кушетки и рухнул на подушки.

– Хорошо тут у тебя, Скотт, – прокомментировал Мак, выходя из мини-кухни. Он потер о плечо зеленое яблоко и с хрустом откусил большой кусок.

– Яблоко, кстати, мое... – проворчал Гевин.

– Что ж ты его не съел?

– Не успел.

– Ну да, на закуску оставил.

Гевин показал ему средний палец.

– Прекрати, Мак, – вступился Дэл. – Все мы через это прошли.

Стоп. Что он несет?

Ян уселся на другом краю кушетки, со стуком взгромоздив ноги в ковбойских сапогах на журнальный столик. Мак прислонился к стене.

Дэл поочередно посмотрел на обоих.

– Что скажете?

Мак откусил яблоко еще раз и заговорил с набитым ртом:

– Не знаю. Думаешь, ему по зубам?

Гевин провел рукой по лицу. Он ничего не понимал, будто смотрел фильм с середины. Причем дерьмовый.

– Объяснит мне х-хоть кто-нибудь, что п-происходит?

Дэл скрестил руки.

– Будем спасать твой брак.

Гевин фыркнул, но три пары уставившихся на него глаз смотрели серьезно. Он застонал.

- Мне конец!
- Ты же на все готов, чтобы вернуть Тею? – напомнил Дэл.
- Ну да, – пробормотал Гевин.
- Тогда рассказывай все как есть.

Гевин напрягся. Дэл присел на журнальный столик, который протестующе затрещал под весом великана.

- Расскажи нам, что случилось.
- Говорил уже. Она сказала...
- Я не о вчерашнем. Что у вас вообще стряслось?

Гевин оглядел всех троих. Даже не будь тут Яна и Мака-Пожирающего-Его-Яблоко, он не стал бы рассказывать. Слишком унижительно. Легко ли признаться, что не удовлетворяешь в постели собственную жену? А ведь нужно еще рассказать, каким козлом и уродом он был, когда перебрался в гостевую комнату, наказывал жену молчанием, не слушал ее объяснений, потому что душа его, видите ли, слишком чувствительна и ранима. Нет уж, спасибо. Лучше промолчать.

- Не скажу, – наконец буркнул он.
- Почему?
- Это личное.
- Ясное дело, раз речь о твоём браке, – не понял Дэл.
- Но тут слишком...

Не выдержав, Мак его перебил:

- Тебя спрашивают, не ходил ли ты на сторону, дебил!
- Гевин мотнул головой и впился взглядом в Дэла.
- Ты сдурел? Серьезно считаешь, ч-что я мог ей изменить?

От этой мысли ему снова захотелось нагнуться над унитазом и дать эвакуироваться остаткам вчерашнего алкогольного ужина.

– Нет, – ответил Дэл. – Но мы должны знать. Такие правила. Тем, кто бежит по бабам, мы не помогаем.

- Кто это «мы»? Достали уже со своими загадками!
- Ты сказал, что вчера она казалась чужой, незнакомой, – сказал Дэл. – А тебе не приходило в голову, что она и есть незнакомка?

Во взгляде Гевина читалось неподдельное недоумение.

– Брак штука непростая, все супруги в какой-то момент отдаляются друг от друга, – продолжал Дэл. – Жизнь течет, все меняется, люди тоже меняются, и не всегда одновременно. Сколько пар развелись, приняв временные трудности за непреодолимые проблемы! – Дэл развел руками. – Но вы-то двое что творите? Вам ли разводиться? Радовались бы, что нашли друг друга.

- От т-твоих слов м-мне не легче.
- Сколько вы встречались до ее беременности? Месяца четыре?
- Три.

Мак кашлянул в кулак. Получилось похоже на «залет».

– Вот именно, – продолжил Дэл. – Оглянуться не успели, а уже расписаны. А до рождения близнецов тебя пригласили в высшую лигу. Черт, Гевин, ты с тех пор все время был в разъездах, а она растила девочек совсем одна, да еще в чужом городе. Как же ей не измениться?

Так оно и есть, черт возьми, только дело не в этом. Конечно, Тея изменилась. Как и он. Но они были хорошими родителями, были счастливы вместе. По крайней мере, так он всегда думал.

Дэл небрежно пожал плечами и выпрямился.

– Послушай, при нашей работе сложно даже парам, которые до свадьбы встречались годами и точно знали, что их ждет. А вы с ней нырнули на глубину, не подстраховавшись. Даже при лучшем раскладе такое не всякий брак выдержит. Разве что с посторонней помощью.

– Поздновато обращаться к психологам.

– А вот и нет. Хотя сейчас речь не о том.

– Так о чем же, черт тебя дерит?!

Дэл не ответил, а вместо этого вновь посмотрел на Яна и Мака.

– Ну что?

– Я «за», – проголосовал Ян. – Если мы их не помирим, в следующем сезоне от него толку не будет.

Мак пожал плечами.

– Я в деле, лишь бы вытащить его отсюда. Потому что, чувак, это же реальный отстой. – Он обвел руками убогую комнату.

Гевин резко повернулся к Яну.

– Как по-испански «отвали»?

Мак откусил от яблока последний раз и бросил огрызок через плечо. Точное попадание в раковину. Гевин с ненавистью произнес:

– Это яблоко мне подарили дочки!

– Ай, – только и ответил Мак.

– Значит, так, – подытожил Дэл. – Выспись как следует. Завтра вечером у нас первое официальное заседание.

– К-какое еще заседание?

– По решению твоих проблем.

Все трое смотрели на Гевина так, будто все понятно объяснили.

– И это все?

– Есть еще кое-что, – сказал Дэл. – Ни при каких обстоятельствах не встречайся с женой.

Глава вторая

Разъяренная женщина в расцвете сил способна горы свернуть.

Из множества перлов народной мудрости, услышанных от бабушки, наверняка хоть один окажется правдой, надеялась Тея Скотт. Проклятая кувалда весила тонну. Четыре попытки, а в итоге – лишь небольшая вмятина на стене и боль в растянутой спине. Но, черт возьми, Тея не собиралась сдаваться. Три года они прожили в этом доме, и все три года она мечтала снести эту стену.

Вчера она поняла, что ее брак окончательно рушится, а сегодня решила, что настала очередь стены.

А еще Тее просто необходимо было вдарить как следует по чему-нибудь.

Она с криком взмахнула кувалдой еще раз. Наконец тяжелый молот с радостным стуком опустился на стену и оставил в ней зияющую дыру. С победным возгласом Тея выдернула кувалду и просунула голову в свое творение. Она почти видела свет с другой стороны, мечтая вырваться из этой тюрьмы в бежевых тонах, невыносимо приличных и сдержанных. И как эти дизайнеры додумались поставить здесь стену? Можно ли в здравом уме отгородить гостиную от столовой, преграждая путь чудесному свету с нижнего этажа?

Тея снова взмахнула кувалдой – и вторая дыра появилась рядом с первой. Кусок гипсокартона упал к ногам, пыль поднялась в воздух и осела на руки. Полный кайф! Как же здорово!

Задышавшись от напряжения, Тея уронила кувалду на пластиковую пленку, которой застелила деревянный пол. Помассировав плечо, она повернулась и обвела взглядом гостиную. Да. Именно там. Прямо у стеклянных дверей, ведущих в сад. Идеальное место для мольберта и красок. Когда-нибудь, после получения диплома, возможно, у нее появится собственная художественная студия. Но пока хватило бы даже просто вновь начать рисовать. Она не касалась холста с тех пор, как родились девочки. За это время ее главным творческим достижением стали рисунки на белых запачканных футболках. Попытка замаскировать неотстирывающиеся пятна под дизайнерские изыски.

Поначалу Тея пыталась как-то украсить стену, придумывала, как лучше ее использовать. Повесила на нее семейные фотографии в обрамлении причудливых узоров, отпечатки ладоней и рисунки девочек в рамочках, любимую еще со школьных времен битую Гевина. Не переставая надеяться, что когда-нибудь она все переделает. Раскрасит стену поярче. Или, может, добавит встроенные ниши. Или когда-нибудь просто снесет ее к черту и устроит все по-новому.

Сегодня утром Тея проснулась с уверенностью, что «когда-нибудь» уже настало. Хотя ее глаза и опухли от слез. Посреди ночи, поддавшись приступу отчаяния, она прокралась в ванную и долго плакала там, прижав кулак ко рту, чтобы заглушить рыдания.

Ни к чему эти слезы. И сожаления. Они-то и не дают ей начать все сначала. Был только один способ двигаться вперед – с ходу энергично взяться за новое дело.

В прямом смысле.

Поэтому после завтрака Тея отправила девочек в танцевальный класс со своей сестрой Лив, которая переехала к ней, как только свалил Гевин. А потом вытащила свой старый рабочий комбинезон, съездила в магазин стройматериалов и купила кувалду.

– А вы умеете ею пользоваться? – спросил продавец за прилавком.

Насмешливо изогнутая бровь выдавала в нем любителя снисходительно объяснять глупым женщинам, что к чему.

Тея скривила губы, изобразив подобие улыбки.

– Ну вроде бы...

– Рукой, которая сильнее, берется за рукоятку...

– Вы так хорошо объясняете, я уже поняла. – Тея сунула сдачу в карман.

Продавец натянул подтяжки.

– И что же вы собираетесь разрушить?

– Патриархальные устои.

Он непонимающе захлопал глазами.

– Стену.

– Сначала убедитесь, что она не несущая.

При этом воспоминании желание треснуть по чему-нибудь накатило снова, подобно волне возмущения в Твиттере. Тея водрузила кувалду на плечо и уже собиралась занести ее над стеной, но тут входная дверь распахнулась. Девочки забежали внутрь, их пачки подпрыгивали над розовыми колготкам, светлые косички болтались в унисон. Золотистый ретривер Баттер терпеливо и важно вышагивал за ними, как няня К-9. Сестра Теи Лив шла позади, держа Баттера за поводок.

– Мапочка, что ты делаешь? – спросила Амелия, резко остановившись.

В ее тоненьком голоске слышались страх и трепет. Оно и понятно – мама сейчас, наверное, была не похожа на себя.

– Разбиваю стену, – ответила Тея беззаботно.

– О, клево, – сказала Лив, потирая руки. – Я тоже хочу. – Бросив поводок, она прошла через комнату и потянулась за кувалдой. – Можно я буду представлять, что это его лицо?

– Лив, – тихо одернула ее Тея.

Она знала, что в присутствии девочек сестра не скажет намеренно ничего плохого о Гевине. Они обе на собственном горьком опыте убедились, что, когда один из родителей клянет другого, больше всего страдают именно дети. Но Лив иногда могла ляпнуть что-то, не подумав. Как сейчас.

– Чье лицо, тетя Ливви? – сразу спросила Амелия.

Тея метнула на сестру взгляд «ведь просила же!».

– Моего босса, – быстро сориентировалась Лив.

Она работала в популярном в Нэшвилле ресторане у знаменитого шеф-повара – жуткого тирана. Лив жаловалась на него так часто, что девочки не усомнились в ее словах.

– А нам можно стукнуть? – спросила Амелия.

– Это работа для взрослых, она опасная, – сказала Тея. – Зато вам можно смотреть.

Издав клич Тарзана, Лив размахнулась, и еще один кусок гипсокартона грохнулся на пол. Девочки скакали рядом и подбадривали. Ава с воплем пнула воздух ногой, выполняя прием карате. Амелия попыталась пройтись колесом по столовой – и плавно перекатилась в гостиную.

– Здорово, черт возьми, – сказала Лив, возвращая кувалду Тее. – Не хватает только музыки.

Передав Тее инструмент, Лив вытащила свой телефон, несколько раз ударила по экрану, и из колонок по всему дому разнесся голос Ареты Франклин, требующей У-В-А-Ж-Е-Н-И-Я.

Лив схватила с пола битую Гевина и, держа ее как микрофон, громко затянула песню. Она протянула руку Тее, и та стала подпевать ей, чтобы повеселить девочек. Малышки хохотали так, как будто не видели ничего смешнее этого импровизированного концерта.

Тея с Лив снова стали подростками, вернулись в те времена, когда распевали во все горло в их маленькой душной спальне на двоих в доме бабушки. Тогда их мать сходила с ума, оставшись наедине со своей яростью и алиментами, а отцу было не до дочерей: он был занят, изменяя жене номер два. Именно там, в той спальне, они выучили песни *Pink* наизусть и поклялись никогда не доверять мужчинам, никогда не быть такими слабыми, как их мать, такими эгоистичными, как их отец, и по жизни защищать друг друга.

Они всегда были вдвоем против всего мира. Всегда.

И вот теперь все повторяется. Только на этот раз Тее нужно защищать не младшую сестру, а девочек. И она защитит. Чего бы это ни стоило. Сделает все, чтобы они никогда не

узнали, каково это – расти в напряженной обстановке, быть разменной монетой в борьбе враждующих родителей.

Внезапно Тею охватило отчаяние, слезы набежали на глаза, на сердце стало тяжело и мучительно. Она еще подпевала сестре, но горло уже сжимал спазм. Отвернувшись от дочек, Тея хлопнула себя по щекам.

Лив незаметно заслонила ее.

– Так, девочки! Бегите-ка наверх и переоденьтесь, хорошо? Кто первый поднимется, выберет сегодня вечером фильм.

Услышав о награде, девочки бросились наверх. Через несколько секунд песня стихла.

– Ну ты чего? – спросила Лив.

Комок в горле мешал говорить.

– Вдруг я уже причинила им боль?

– Нет, – резко возразила Лив. – Ты прекрасная мать, мамы лучше тебя я не встречала.

– Больше всего на свете я хотела, всегда хотела, чтобы у них было счастливое детство, а не как у нас с тобой. Уберечь их от страданий и...

Лив схватила Тею за плечи и развернула.

– Ну и при чем здесь ты, это же он ушел?

– Я его выгнала.

Терпеть безразличие, холодность Гевина Тея больше не могла. Почти месяц он не разговаривал с ней и только дулся, поселившись в комнате для гостей. Всему есть предел, мало ей забот с двумя малышками.

– А он и рад смыться, – сказала Лив.

Да уж. И тем не менее Тею грызло чувство вины. Лив знала не все. Конечно, Гевин повел себя по-свински, узнав, что Тея притворяется в постели. Но и ей следовало признаться в этом как-то по-другому.

– Когда отношения рушатся, виноваты оба.

Лив опустила голову.

– Пусть. Только я твоя родная сестра и всегда буду за тебя.

Они смотрели друг на друга, в который раз мысленно благодаря бога за то, что у каждой есть по крайней мере один человек, на которого всегда можно положиться. Тея вдруг подумала, что таким человеком для нее когда-то был и Гевин.

Будь он проклят! Тея взяла кувалду. Пора стать независимой. Начать жизнь заново. Отмотать назад к той себе, что бросила все ради него и его карьеры. Пора выполнять обещания, данные ею и Лив много лет назад.

Тея размахнулась, и в стене появилась еще одна дыра.

Лив засмеялась.

– Кажется, не одна я вижу перед собой его физиономию.

– Не одна ты, – прорычала Тея, вновь заноса кувалду.

– Так его, забей на всех! Ты крутая, на кой ляд тебе эти мужики.

Динамики выдали гневную песню Тейлор Свифт о фото, которые нужно сжечь.

Лив снова схватила с пола биты Гевина.

– Осторожно! Теперь мой удар.

– Стой! Это же его любимая бита!

– Если она ему нужна, так и забирал бы с собой, – отрезала Лив.

Она отвела биту назад, Тея втянула плечи. Бита гулко ударила по гипсокартону.

Тея бросила кувалду и вырвала биту из рук Лив.

– Еще сломаешь.

– Обычная бита, что в ней такого?

– С ней он выиграл чемпионат штата еще в школе.

Лив закатила глаза.

– Подумаешь! Эти мужики вечно носятся со всякими деревяшками.

– Он очень ею дорожит...

– Может, в этом и проблема? – резко ответила Лив. – Бейсбол для него всегда был важнее тебя.

– Нет, не в этом. – Внезапно глубокий голос Гевина заставил их обеих резко повернуться.

Он стоял в десяти футах от них, как будто своим разговором они вызвали его дух. Предатель Баттер твякнул и подбежал к нему, радостно виляя хвостом.

Внутри у Теи все задрожало, когда она увидела, как Гевин рассеянно уронил руку на голову Баттера и почесал его за ухом. На муже были выцветшие джинсы и простая серая футболка. Влажные волосы стояли торчком, будто он только что выскочил из душа и просто вытер голову полотенцем. Вокруг карих глаз залегли темные круги, белки покраснели. На подбородке темнела как минимум двухдневная коричневатая щетина.

Но даже в таком виде каким-то образом ему удавалось выглядеть неотразимо, возмутительно сексуально.

Лив выключила музыку и скрестила руки.

– Что нужно, засранец?

– Лив, – одернула сестру Тея. Затем повернулась к мужу:

– Ты здесь больше не живешь, Гевин. И не имеешь права появляться, когда тебе вздумается.

Он указал на дверь позади него.

– Я стучал. – Его взгляд метался между сломанной стеной и кувалдой на полу. – Что ты... затеяла?

– Ломаю стену.

– Вижу, – медленно произнес Гевин. – Что вдруг?

– Она меня достала.

Брови Гевина сдвинулись.

– Уж не моя ли это б-бита?

Что-то мелкое и мстительное нахлынуло на нее, побеждая здравый смысл.

– Ага. И знаешь, прекрасно работает.

Тея повернулась и ударила битой о стену. Гевин инстинктивно пригнулся.

– Собираюсь поставить здесь свой мольберт, – заявила Тея. И снова ударила битой. – А эта дурацкая стена загораживает весь свет.

– Может, обсудим, п-прежде чем... – Гевин вздрогнул, когда Тея взмахнула битой в третий раз.

– Обсуждать надо было раньше, и не только это, – отрезала Тея, отойдя от стены. И вытерла пот со лба.

Радостный визг с лестницы внезапно прервал их.

– Папочка! – Амелия прыгнула с нижней ступеньки и помчалась к Гевину. Она обняла его за ноги. – Мама ломает стену! – Дочка засмеялась и показала, что хочет на ручки.

Гевин, все еще настороженно глядя на Тею, поднял малышку.

Амелия тут же закинула голову, разглядывая его.

– Папа, ты заболел?

– Нет, милая, что ты, – ответил Гевин. – Просто плохо спал ночью. – Он поцеловал ее в щечку. – От тебя пахнет сиропом. Мама приготовила на завтрак субботние блинчики?

– Ага, с шоколадной крошкой!

У нее получилось «секоладой коской».

Гевин встретился взглядом с Теей. На мгновение они перестали быть воюющими сторонами и превратились в родителей. Последние несколько месяцев Амелия шепелявила, и Гевин опасался, что, если так пойдет и дальше, это превратится в проблему. Тея мягко улыбнулась.

– Да, шепелявит немножко, – тихо сказала она.

Гевин протянул другую руку Аве, которая, шаркая, не спеша подошла к нему вслед за сестрой.

– Привет, малышка.

Ава не пожелала подойти к нему, остановилась рядом с Теей. Давая понять, что она на стороне матери. От этого инстинктивного стремления ребенка защитить маму сердце Теи сжалось, особенно когда Ава резко подняла голову и заявила:

– А мама плакала.

О нет... С тех пор как ушел Гевин, Ава частенько забиралась к ней в постель посреди ночи. Уж не заметила ли она, как вчера ночью Тея прокралась в ванную? Она так старалась не допустить, чтобы девочки слышали ее плач.

Гевин с трудом проглотил комок в горле. Он разглядывал лицо Теи, как будто никогда раньше не видел его, останавливаясь на веснушках, прыщиках, которые она не удосужилась скрыть косметикой. Потом встретился с ней взглядом. Краска прилила к щекам Теи. Какого черта он ее так разглядывает?

– Мы пойдем гулять с Баттером? – спросила Амелия. Обычно отец вместе с девочками выводил собаку на дальнюю прогулку по окрестностям. По крайней мере, так было, когда Гевин еще жил с ними.

– В другой раз, милая, – сказал Гевин. – Мне нужно поговорить с мамой.

Амелия состроила недовольную гримаску – новым, невероятно эффективным способом, который недавно освоила. Гевин нервно сглотнул, и Тее стало его даже немного жалко.

– Я приду в понедельник на ваш мюзикл, – пообещал он. – И тогда после спектакля можем погулять с Баттером.

– Сами справимся, – вмешалась Лив. Ее интонация не оставляла сомнений в том, что она думает об «этом козле».

Баттер скакал у двери, пока Лив пристегивала поводок и помогала девочкам надеть пальто. Они вышли, но Лив тут же просунула голову обратно в дверь.

– Заканчивай поскорее. Нам еще нужно довести до ума твой профиль для сайта знакомств.

Входная дверь захлопнулась.

Гевин пробурчал нечто нечленораздельное. Тея украдкой улыбнулась.

– Ты не отвечаешь на звонки, – начал Гевин, как только девочки оказались вне пределов слышимости.

– Телефон сдох вчера вечером. Лень было заряжать.

Он подошел ближе, посмотрел мягко и участливо.

– Как ты?

Сердце подпрыгнуло, как шарик для пинг-понга, но Тея старалась не показывать виду.

– Во всяком случае, на стакане не сижу и от меня не несет спиртным за милю.

– Ну да, я вчера напился.

Тея повернулась к стене, готовая нанести новый удар.

– Что, праздновал освобождение?

– Ты правда так думаешь? Значит, я облажался еще больше, чем думал.

Хруст биты о стену на этот раз не принес ей прежнего удовлетворения.

– Так и есть, Гевин. Ты действительно сильно облажался.

Он и не спорил.

– Про профиль на сайте знакомств – правда?

Еще один мужчина в ее жизни? Новые обещания, которым нельзя верить? Спасибо, сыта по орло.

– О боже, нет, конечно. – Тея фыркнула, вытирая рукой лоб. – Только этого мне не хватало.

С явным облегчением на лице Гевин кивнул.

– Если хочешь забрать свои вещи, собирай быстрее, а то девочки скоро придут.

– Я пришел не за вещами.

– Тогда зачем?

– Я х-х-х...

Сердце Теи снова запрыгало, как шарик в пинг-понге, когда она увидела, как напряглись его мускулы на шее.

Гевин наконец сумел закончить:

– Я хочу поговорить.

– Говорить больше не о чем.

– Пожалуйста, Тея.

Черт побери, когда же кончится этот пинг-понг в сердце.

– Ладно.

Тея всучила ему биту и направилась в кухню. Она отвернулась к крану, чтобы налить воды, с негодованием изучая огромный календарь на белой доске рядом с холодильником. Когда-то Тее нравилось жить спонтанно, ничего не планируя заранее. А теперь она сама удивлялась, как ловко управляетсся с делами с помощью цветовой кодировки, которой расписана каждая минута их жизни. Чего только не было в календаре! Уроки танцев, визит к стоматологу, обеденные меню, дни волонтера в детском саду и – красными буквами, чтобы подчеркнуть уровень важности, – «ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО ЗАБУДЬ!», напоминание себе самой о том, что в понедельник перед школьным мюзиклом нужно найти любимые колготки Авы.

В календаре также было полно благотворительных и общественных мероприятий в качестве одной из Суд – «Супруг и девушки *Nashville Legends*». Правда, с тех пор как прошел слух, что у них с Гевинком разлад, многие супруги и девушки начали от нее отдаляться. В этом месяце ее даже не пригласили на их дурацкий обед, причем это было еще до разговора о разводе.

Впрочем, сколько Тея ни старалась, представительницы Суд не признавали в ней свою. В их глазах она была девушкой, которая специально забеременела, чтобы захомутать богатенького спортсмена-профессионала.

Откуда им знать, что последнее, ради чего Тея вышла бы замуж, – это деньги. Она еще в детстве имела возможность убедиться, как деньги портят и отравляют отношения.

Нет! Замуж за Гевина она вышла по любви.

Правда, теперь-то она знает, чем кончаются браки по любви. Лучше бы она вышла замуж ради денег.

Тея оказалась совершенно не готова к жизни супруги бейсболиста. Принадлежность к Суд сделала ее довольно известной и наложила определенные обязанности. Все эти бесконечные благотворительные и рекламные мероприятия требовали участия. Ее затащило в водоворот женского клуба, хотя она туда вовсе не рвалась. Вообще-то она не имела ничего против женских клубов. И даже была членом одного, когда училась в университете. Он представлял собой разношерстное сборище актрис и музыкантш, претендующих на глубокое понимание искусства, и студенток-феминисток, и все они бурно протестовали против сокращения финансирования их женского центра.

Женское общество Суд было совершенно другим. Здесь царили единство и беспрекословное подчинение правилам – именно то, против чего она когда-то выступала. Кроме клуба, на Тее еще висели близнецы, потому что Гевина почти никогда не было дома. И каким-то

образом за бесконечными домашними хлопотами и клубной суетой она потерялась и уже сама себя не узнавала.

Прошлым летом журнал «Тренды Юга» сделал репортаж о профессиональных спортсменах Теннесси и их семьях, и что получилось? Приторная картинка счастливой безоблачной жизни. Именно так выглядели со стороны будни Суд. Фотографии Теи в нарядах от Лилли Пулитцер стали живой рекламой сладкой жизни. А ведь раньше она любила носить винтажные футболки с фото *Depeche Mode* и черные кеды. После той статьи Тее показалось, будто ее окатили холодной водой. Тревожный звонок. Она плыла по течению, в этом была ее ошибка. Ей вдруг стало ясно, что она превратилась именно в такую женщину, каких когда-то презирала.

А Гевин то ли ничего не замечал, то ли его совсем не волновало, что она стала некой слащавой версией себя. Или, что еще хуже, эта отредактированная Тея ему нравилась больше.

Тея наконец обернулась, услышав покашливание Гевина. Под яркими кухонными лампами тени под глазами мужа стали заметнее и напоминали синяки. Он и правда выглядел ужасно. Гевин никогда не умел справляться с трудностями. И речь не только об алкоголе.

Она пододвинула стакан.

– Выпей аспирин.

– Уже принял.

– Не помогло?

– Не очень.

Он слабо улыбнулся. Его рука обвила стакан, большим пальцем он водил вверх-вниз по выступившему конденсату. Стакан тоскливо позвякивал, звон отдавался болью в ее душе и еще где-то пониже. То ли она достигла состояния полного бессилия, когда впору повторять лишь «господи, помоги», то ли просто жаждала ласки так сильно, что от одного вида его большого пальца, рассеянно поглаживающего стакан с водой, в ней поднялась волна возбуждения. Он не дотрагивался до нее с той самой ночи – ночи Большого Скандала. А ей всегда, хотя он и считал по-другому, так нравились его прикосновения. *Уж это* она точно никогда не имитировала.

Катился бы он к черту!

– Я хочу остаться в этом доме.

Гевин по-собачьи наклонил голову набок, будто не расслышал ее.

– Ч-что?

– Знаю, что прошу слишком многого. Но большие алименты мне не нужны, если ты выступишь долю за меня и за девочек. Я, конечно, буду работать, но...

Гевин отодвинул стакан.

– Тея...

– Знаешь, нам с Лив было бы намного легче, если бы папа не продал дом, после того как ушел от мамы. А этот дом родной для девочек... – Ее голос сорвался. Она вздохнула поглубже, чтобы унять волнение. – Придется сказать им. Пока еще не знаю, когда лучше. Перед праздниками? После праздников? Не знаю. Да и поймут ли они? Пока-то думают, что ты уехал на игры, но потом все равно...

– Тея, прекрати! – выкрикнул он отрывисто и резко. Обычно он никогда не повышал голос.

Тея старалась казаться безразличной, но внутри у нее все перевернулось.

– Что прекратить?

– Я не согласен!

– Ты о доме?

– Нет! Черт! – Он провел руками по волосам. – То есть да. И о доме. Я и сам х-хо-чу, чтобы ты с девочками оставалась здесь.

– Тогда в чем дело?

– Я хочу остаться с тобой!

От удивления у нее открылся рот, она не могла вымолвить ни слова, но тут же здравый смысл заставил ее произнести:

– Хватит, Гевин. Слишком поздно.

Гевин сжал край кухонной стойки так, что на мощных руках выступили вены.

– Ничего не поздно!

– Лучше расстаться сейчас, пока девочки еще маленькие и ничего не запомнят...

Она не смогла закончить фразу, слова застряли в горле. Покончить бы скорее с этой слезливой чушью.

Гевин нахмурился и резко спросил:

– Не запомнят что? Как их родители были женаты?

– Лучше бы не помнили, чем потом страдали из-за разбитой семьи.

– Так давай сохраним семью.

– Ты разбил ее, как только съехал.

– Ты же сама велела мне уйти, Тея!

– А ты и рад смыться!

Не зная, что сказать, он только открывал и закрывал рот, а потом выпалил:

– Мне нужно было время подумать.

– Теперь времени у тебя будет предостаточно.

Гевин уселся за стол и обхватил голову руками.

– Все не так... Все идет не так, как я х-хотел...

Тея оторвалась от стойки.

– Надо же! И как же, интересно, ты хотел? Неужели ты до сих пор считаешь, что тебе достаточно просто появиться здесь, и я растаю, улыбнусь и сделаю вид, что все прекрасно. Я занимаюсь этим уже три года, Гевин. С меня хватит!

Она направилась к стене. Ей срочно нужно было снова ударить по чему-нибудь.

– Ч-что, черт возьми, это значит? – спросил он, следуя за ней по пятам.

– Это значит, что мой оргазм был самой ничтожной из наших проблем!

Именно это бесило больше всего. Он злился на нее за притворство в постели, но неужели он не понимал, что она годами притворялась во всем остальном?!

Тея взяла битую и ударила со всего маху. Еще одна дыра в стене.

– Тея, подожди, – сказал Гевин, хватаясь за битую, не давая жене замахнуться. – Послушай меня...

Та обернулась.

– Время слушаний прошло, Гевин. После той ночи я тысячу раз просила выслушать меня, но ты не хотел!

– Той ночью не все было ужасно, Тея.

Тея ринулась на него, едва сдерживая охватившую ее ярость.

– Издеваешься? Или ты о своей грандиозной победе?

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Идеальный каламбур. День величайшего достижения в его карьере – победы в турнире Большого шлема чемпионата Американской лиги – закончился для Теи настоящим хоум-раном³ в постели.

– Да я не об игре! О том, что было после... – сказал Гевин, приближаясь к ней, понижая голос, переходя на соблазнительный тон: – Ведь тогда было все прекрасно.

– Раз все было прекрасно, почему же ты ушел в гостевую?

³ Удар в бейсболе, при котором мяч перелетает через все игровое поле; он дает бьющему право совершить перебежку по всем базам и принести своей команде очко. В американском сленге укрепились бейсбольные эвфемизмы с сексуальным подтекстом. В первую очередь это базы – чем она важнее по правилам бейсбола, тем серьезнее близость с партнером. Первая база – французский поцелуй. Вторая – прикосновения, касания эрогенных зон через одежду. Третья – ручная стимуляция или оральный секс. Хоум-ран – полноценный половой акт.

Гевин примирительно поднял руки.

– Потому что я тогда взбесился как последний кретин, сам знаю! И я х-х-х...

Он изо всех сил пытался произнести слова, а заикание не давало им вырваться наружу. Гевин провел рукой по подбородку, а затем сжал себе затылок. Наконец, сдавшись, уставился в пол и стиснул зубы.

Входная дверь внезапно распахнулась второй раз за утро. Гевин едва не выругался, когда Амелия и Баттер вбежали в дом, а за ними медленно проследовали Ава и Лив. Амелия осталась в коридоре и подняла собачье лакомство так высоко, насколько тянулась ее маленькая ручонка.

– Папа, смотри!

Амелия приказала Баттеру прыгнуть. Псу достаточно было поднять голову, чтобы взять лакомство из рук дочки, но Амелия так радостно взвизгнула, будто научила Баттера говорить.

Гевин мягко улыбнулся.

– Очень круто, детка, – произнес он с усилием.

Войдя в кухню, Лив встретила взглядом с Теей. Через несколько секунд из динамиков блютуз послышались «Все одинокие дамы».

– Какая тактичная, – тихо сказал Гевин.

– Просто настоящая сестра. Стоит горой за меня.

– Мы идем прыгать на батуте, – сказала Лив, чувствуя, что напряжение в комнате не исчезло.

И сделала музыку громче, прежде чем вернуться к девочкам.

Гевин осторожно подошел к Тее. Его лицо выражало мольбу.

– Просто скажи мне, что н-н-нужно. Что я должен сделать?

Именно таким просящим тоном произносил ее отец свое фальшивое «ну пожалуйста, крошка», умоляя их мать дать ему второй шанс. Или третий, или четвертый. Сколько раз мать верила обещаниям отца и принимала его обратно? И не перечать. Повторять ее ошибку Тея не собиралась.

– Слишком поздно, Гевин, – со вздохом повторила Тея.

Лицо Гевина побледнело.

– Давай начнем сначала.

Она отрицательно покачала головой.

Он взялся за виски, растянув уголки глаз. Сдавленно промывав, положил руки на голову. Футболка обтягивала мышцы на спине, которые напряглись и встали буграми, пока он сидел так, пытаясь найти выход. В комнате повисло напряженное молчание. Наконец Гевин повернулся и решительно двинулся к Тее, сокращая расстояние между ними.

– Ну что мне сделать, Тея? Скажи, я сделаю все. Пожалуйста.

– Зачем, Гевин? Теперь, когда прошло столько времени? Зачем?

Его взгляд упал на ее губы... О боже, неужели он хочет...

Гевин зарычал, одной рукой притянул ее голову и приник к ее рту. Тея отшатнулась и схватилась за спинку дивана, чтобы не упасть, но в этом не было необходимости, потому что Гевин крепко держал ее в объятиях. Он прижимал ее к своему сильному телу крепкой мускулистой рукой. Его губы жадно впивались в ее рот. Все яростнее и яростнее. И когда его язык скользнул между ее губами, Тея не смогла не ответить. Она вцепилась пальцами в его футболку и со вздохом приоткрыла рот. В его поцелуе смешались запахи зубной пасты, виски и отголоски давно забытых снов...

И все же, несмотря на бурю эмоций, ее охватило смятение, Тея вдруг почувствовала себя обманутой. Неужели она так примитивна? Один страстный поцелуй – и она буквально растаяла в его объятиях? Один поцелуй – и она забыла обо всем?

Тея отстранилась.

– Перестань сейчас же!

– Ты спрашивала, зачем, – выдохнул Гевин, его глаза потемнели. – Теперь поняла?

Глава третья

– Ты ее *что*?

Гевин плюхнулся в машину рядом с Дэлом. Запах пиццы, куриных крылышек и прочих закусок на заднем сиденье угрожал перемирию, наступившему наконец в его желудке. Уже несколько часов его не рвало, но острый запах соуса баффало предупреждал, что все может измениться в одну секунду.

– Я ее поцеловал.

Дэл выругался.

– Я же просил тебя к ней не ходить!

– Ну п-просил.

– И уж точно не разрешал тебе с ней целоваться.

– Я и не думал, что мне так приспичит.

– Ему приспичило! Да ты должен думать, как вернуть ее, вот что главное. Вот жопа! – Дэл хлопнул рукой по рулю. – Теперь из-за твоего закидона наверняка все застопорится.

Гевин не стал спорить, потому что, как ни крути, Дэл был прав. Если бы тогда Тея смогла дотянуться до сковородки, она бы треснула его по башке. Оттолкнув его, она выпалила, чтоб он не смел ее целовать, и выгнала вон.

И все же на мгновение она поддалась ему, разомкнула губы, позволила его языку коснуться ее языка и вздохнула. *По-настоящему*. Коротко, но именно в тот момент она ответила на его поцелуй. Вдруг она не окончательно вычеркнула его из своей жизни...

Дэл повернул направо и выехал на автостраду. Мелькали желтые огни встречных машин, в которых люди спешили в центр Нэшвилла поразвлечься в кабаках и барах. Через пятнадцать минут они наконец подъехали к Брентвуду, пригороду, в котором жили в основном спортсмены и звезды кантри.

Гевину больше нравился Франклин. Там тоже жили многие знаменитости. Это был уютный маленький городок со старинными тенистыми улицами. Они с Теей жили в обычном районе, а не в тесном квартале, утыканном роскошными особняками. Их дом находился в нескольких минутах ходьбы до центра городка, где они могли взять книгу в библиотеке для девочек, купить им рожок мороженого и были частыми гостями местного ресторанчика с кабинками из потрескавшегося винила. В эту часть города забредали лишь редкие туристы, которые интересовались Гражданской войной и собирались совершить поездку к месту битвы, случившейся в этих краях.

Когда Тея предложила жить во Франклине, Гевин сначала отнесся к этой идее без восторга. С их доходами они вполне могли выбрать что-нибудь пошикарней. Но, увидев, как загорелись глаза Теи, когда она просматривала в телефоне список кирпичных домов 1930-х годов в стиле крафтсман, он не стал возражать. А теперь и сам ни за что не отказался бы от жизни в маленьком городке.

Хотя почти уже отказался.

Пять минут спустя Гевин уже тащил пять коробок пиццы и четыре коробки крылышек, стараясь не уронить их на ухоженный тротуар.

– Чей это дом?

Судя по коллекции пафосных спортивных автомобилей в гараже, Гевин подозревал, что они приехали в дом Мудака-Сожравшего-Его-Яблоко.

Предчувствия его не обманули. Дверь распахнулась, и Мак встретил их насмешливым фырканьем:

– Надо же, протрезвел-таки.

Гевин сунул ему пиццу и крылышки.

– Надо же, а ты как был козлом, так и остался.

– А ну хватит собачиться, – прорычал Дэл, входя в дом.

Мак захлопнул дверь ногой.

– Настроение прекрасное, верно, дружище?

– С чего бы? От твоей мерзкой рожи оно у меня сразу портится, – ответил Гевин.

Дэл обернулся.

– Все в сборе?

– Ага, – сказал Мак. – В подвале. Готов ли он к посвящению? К полуночи я должен вернуть заблудшую овцу обратно в стойло.

Гевин нахмурился, но проследовал за ними через холл с высокими потолками, мимо широкой изогнутой лестницы. Кухня, в которую они вошли, была вдвое больше, чем у них с Теей. Из двери, ведущей в подвал, слышались голоса.

Гевин подождал, пока Мак и Дэл войдут первыми.

– А вот и жратва, – объявил Мак, поворачивая за угол у подножия лестницы.

В ответ раздались радостные возгласы, а несколько хриплых мужских голосов добавили *«давно пора»*.

– Мы опоздали? – обратился Гевин к спине Дэла.

– Да нет, это они приехали раньше, чтобы доработать план.

Гевин схватил Дэла за рубашку.

– погоди. Какой план?

– План, как убедить Тею вернуться к тебе, тупому козлу, – ответил Дэл, поворачивая за угол вслед за Маком. – План, который из-за тебя охренительно усложнился.

Гевин, застыв на последней ступеньке, сделал глубокий вдох. Наконец, вспомнив, что речь идет о спасении его брака, решился последовать за другом.

В комнате он увидел десять известных в Нэшвилле личностей. Профессиональные спортсмены, бизнесмены, чиновники мэрии толпились возле навороченного бара и, оттесняя друг друга, спешили ухватить из коробок пиццу и крылышки. Дэл бросил на стойку бумажный пакет с другими закусками. Из него выпало несколько пакетиков с чипсами. Единственное зеленое яблоко скатилось на пол.

Мак покачал головой, поднимая его.

– Ах ты, мелкий пакостник.

– Ешьте быстрее, – сказал Дэл. – Пора начинать. Представляете, сегодня он поцеловал свою жену.

Комната взорвалась. Головы повернулись в сторону Гевина. Стулья попадали. Хоккеист в углу выругался по-русски.

– Что за херня, чувак? – рявкнул Мак. – Сказали же тебе не ходить к ней!

Придурок, в котором он узнал Малколма Джеймса, полузащитника из нэшвиллской команды НФЛ, подавился пивом.

– Ну хотя бы с ее согласия или это была внезапная атака?

– Скорее внезапная атака.

Ян хлопнул себя по голове.

– Вот это зря, чувак! Сейчас не время для красивых жестов.

– Что еще за красивые жесты?

Остальные, бросая на Гевина неодобрительные взгляды разной степени осуждения, собрали тарелки и направились в другую часть подвала к огромному игровому столу.

Русский все копался в остатках еды и наконец остановился на пакете с солеными крендельками. Он сунул его под мышку, будто боялся, что отберут.

– Не пицца, а отравка, – проворчал он, проходя мимо Гевина. – Туда, похоже, вместо сыра кладут натуральное дерьмо!

Лучше бы он воздержался от столь красочного сравнения...

– Гевин, давай сюда! Мы начинаем!

Схватив яблоко со стойки, Гевин потащился к единственному свободному стулу.

Дэл откашлялся и встал.

– Все готовы?

Парни с набитыми ртами кивнули, не переставая жевать.

– Хорошо. Первое правило книжного клуба?

Все хором продолжили:

– Никому не рассказывать о книжном клубе.

Что за чертовня? Бред какой-то.

Гевин поискал глазами скрытую камеру. Наверное, парни устроили розыгрыш.

– Книжный клуб? Это и есть ваш грандиозный план по спасению моего брака?

Дэл кивнул Маку. Приподняв бедро, тот вытащил из заднего кармана книгу и бросил.

Она чуть не угодила Гевину в лицо и упала прямо на стол.

– Неплохие рефлексы. Надеюсь, с шорт-стопом⁴ ты справляешься лучше.

Гевин оскалился.

– Я играю на второй базе, урод.

Мак пожал плечами.

– Какая разница?

Не удостоив его ответом, Гевин взял книгу со стола и стал разглядывать обложку. Дама из позапрошлого века, а то и еще древнее, изящно сидела на диване, а за ее спиной стоял щеголь в старинном костюме и расстегнутой рубашке.

– «Завоевание графини», – медленно прочитал Гевин. И обвел компанию испепеляющим взглядом.

– Это шутка? – процедил он сквозь зубы.

– Вовсе нет, – ответил Дэл.

– Это же любовный роман.

– Он самый.

Гевин вскочил на ноги.

– Ну вы и отморозки! У человека жизнь рушится, а вы смеетесь!

– То же самое говорил и я, когда Малколм привел меня сюда, – ответил ему Дэл. – Но это не шутка. Успокойся и послушай.

Гевин схватился за голову и закрыл глаза. Открыв их, он увидел, что все по-прежнему усталились на него. Значит, это не сон.

– Ч-ч-что, мать твою, здесь происходит?

– Если заткнешься, мы тебе объясним, тупица, – сказал Мак.

Гевин вернулся в кресло.

– Вы и правда читаете любовные романы?

– Мы называем их *инструкциями*, – ответил русский.

– И не просто читаем... – многозначительно добавил Малколм.

Гевин похолодел.

– Если собираетесь втянуть меня в какое-нибудь свингерское дерьмо для извращенцев, я пас.

Дэл наклонился вперед, положив локти на стол.

– Сейчас я открою тебе один секрет.

– Не уверен, что захочу это слушать.

⁴ Оборонительная позиция в бейсболе между второй и третьей базой. Считается одной из наиболее важных оборонительных позиций на поле, а также одной из самых сложных.

– Два года назад Несса подала на развод.

Земля качнулась под ногами Гевина.

– Что?!! И т-ты молчал?

– Ну, я тогда тебя почти не знал. А еще потому же, почему и ты не хочешь нам рассказывать о вас с Теей. Слишком тяжело говорить о личном.

– Так ведь у вас с Нессой все зашибись.

– Только на первый взгляд. Сложности есть у всех.

Может, и так. Вот только у Гевина проблема заключалась скорее в собственной тупости. Ему не хватило ума понять, что он не дотягивает в постели или что жена его на дух не переносит. Как она смотрела на него сегодня... Он вздрогнул. Дэл, наверное, не поймет.

– За этим столом почти каждый уже побывал на грани разрыва, – продолжил Дэл, и Гевин вспомнил его загадочные слова накануне: *«Все мы через это прошли»*. – И каждый не только вернул своих девчонок, но и наладил отношения, которые теперь лучше, чем были.

Гевин вглядывался в лица сидящих. Они кивали ему и улыбались, только Мак показывал палец. Гевин ответил ему тем же и покачал головой.

– Не врубаюсь, что это значит и при чем здесь я.

– Послушай, дружище, – сказал Малколм, его огромные ручки, как у Халка, поглаживали бороду, густую, как дремучий лес. – Мы, мужчины, идиоты. Жалуемся, что женщины такие загадочные, головы у них забиты всякой хренью, никогда не разберешь, чего они хотят. И если не пытаться их понять, полная задница в отношениях гарантирована. Главная-то проблема в нас. Мы прячем эмоции, стараемся не распускать нюни и все такое. Считаем, что теплые, душевные отношения целиком зависят от женщин, а потом удивляемся, почему жены вдруг от нас уходят.

Гевин нервно выдохнул. Эти слова напомнили ему недавний разговор дома. «Неужели ты до сих пор считаешь, что тебе достаточно просто появиться здесь, и я тут же растаю, улыбнусь и сделаю вид, что все прекрасно. Я занимаюсь этим уже три года, Гевин. С меня хватит».

– В-все равно ни хрена не п-понятно, – заикаясь, пробормотал он.

– Любовные романы в основном пишут женщины для женщин, и в них досконально описано, какое обращение нравится дамам, что им нужно от жизни, о каких отношениях они мечтают. Мы читаем эти романы и учимся проявлять чувства так, как нравится женщинам, узнаем, что у них на душе.

От удивления Гевин захлопал глазами.

– Мужики, вы серьезно?

– Серьезней некуда, – сказал Дэл.

Отравившийся сыром русский кивнул.

– Я читаю роман и понимаю, что мы с женой видим мир по-разному и мне нужно научиться говорить на ее языке.

– На ее языке?

– Было у тебя когда-нибудь такое: ты говоришь Тее что-то совершенно безобидное, а она вдруг как бешеная вылетает из комнаты, а потом замыкается и ничего не объясняет, только твердит, что все в порядке? – спросил Малколм.

– Бывало.

– Или ты вроде как пошутил, а она страшно обижается?

– Ну да, но...

– А вот еще. Ты говоришь ей, что загрузил посудомойку. А она ни с того ни с сего взрывается и кричит: и что, теперь тебе вручить золотую звезду героя? Было такое? – вмешался Ян.

По спине Гевина пробежал холодок.

– Парни, вы что, говорили с ней?

Ян фыркнул.

– Все ясно. Вы, друзья, общаетесь на разных языках. – Он указал на книгу. – Ее язык ты выучишь, прочитав роман.

– Но Тея и книг-то таких не читает!

Парни переглянулись и заржали. Дэл похлопал его по спине.

– Как он счастлив в своем неведении!

– Я ни разу не видел у нас дома таких книжонок.

Вмешался Дерек Уилсон, местный бизнесмен, которого Гевин видел в телевизионной рекламе.

– Ну электронная-то книжка у нее наверняка есть?

– Есть. То есть не знаю. Наверное.

– И в ней полно любовных романов. Уж поверь нам.

Гевин взглянул на книгу.

– То есть вы хотите сказать, что нужно в-в-вести себя, к-к-ак пижон из этой книги? – Боже правый, неужели он действительно начал их слушать?

– Ну, не так буквально, – ответил Дэл. – Смысл в том, чтобы найти там что-то полезное и применить для собственного брака. К тому же это эпоха Регентства, так что...

– Что еще за долбаное Регентство?

– Ну, там все происходит в Англии в восемнадцатом веке или в начале девятнадцатого.

– О, круто! И главное, современно.

– Современней не бывает, – сказал Малколм. – Старина, да все эти аристократы – только фон. А проблемы современные. И не только любовные. И социальные, ну там, роль женщины в обществе и всякое такое. Вообще-то это дерьмо до чертиков феминистское.

Мак лукаво подмигнул.

– А секс-сцены там какие!..

Гевин выронил книгу.

Мак и Уилсон засмеялись и ударились ладонями.

– Я балдел! – сказал Уилсон. – КС четвертого уровня, не меньше.

– Кончайте говорить загадками! – Гевин содрогнулся, не зная, что думать.

– Да это у нас рейтинговая система, так мы определяем уровень секса в книге, – объяснил Уилсон.

– Но что еще за КС?

Весь стол ответил хором:

– Книжный стояк.

Гевин снова вскочил на ноги.

– Хрень какая-то! Моя ж-ж-жена не пустит меня назад из-за каких-то дурацких книг!

Забавнее всего, что он действительно начал проникаться идеей. Ну не будет же дерьмовей, чем сейчас.

– Книги – только часть плана, – сказал Дэл, взяв в руки «Обнаженную графиню» или как там она называлась. – Все мы через это прошли и стали лучше и как мужья, и как любовники.

Гевин вопросительно посмотрел на него.

– Ты ч-что хочешь с-сказать?

– Смотрите-ка, заинтересовался! – Мак фыркнул. – Так проблемы в этом, чувак? Проблемы в постели?

Гевина бросило в жар, его шея покраснела.

– Ни фиги, – пробурчал он.

– А знаешь ли ты, что проблемы в спальне возникают из-за проблем вне спальни? И одно без другого не исправить.

Оргазм был наименьшей из их проблем.

Гевин показал большим пальцем в сторону Мака, но обратился к Дэлу:

– Какого черта этот болван – член клуба? Он ведь не женат.

– Я здесь в качестве эксперта по непристойностям, – подмигнув, сказал Мак, откусывая от куска пиццы сразу половину.

Ян встал и подошел к нему.

– Слушай, я тоже думал, что парни прикалываются. Месяц не притрагивался к книге, которую мне дали. Но клянусь тебе – мы *все* тебе клянемся, – это действует. Книжный клуб – не только про книги.

Малколм торжественно кивнул.

– Это братство, приятель.

– Образ жизни, – заверил чиновник мэрии.

Мак обнял Уилсона за плечи.

– Незабываемое, волнительное путешествие.

Гевин попятился.

– Терпеть не могу волнительных путешествий.

– Просто поверь нам, – сказал Дэл. – Мы вместе будем разрабатывать план спасения вашего брака поэтапно.

– Вы точно не пудрите мне мозги?

– Ты мой лучший друг, – сказал Дэл. – Думаешь, я могу шутить в такой ситуации?

– Не думаю. – Гевин вздохнул.

Что-то слишком уж просто. Прочитать несколько книг, и вуаля? Тея примет его с распростертыми объятиями? Неужели он настолько отчаялся, что верит в эту чушь?

Гевин представил себе жизнь без Теи, и его действительно охватило отчаяние.

Он снова взглянул на обложку книги.

– Почему именно эта?

Мак ухмыльнулся.

– Потому что она про мудака, который сначала запарывает отношения с женой, а потом пытается ее вернуть. Знакомый сюжет?

Гевин сглотнул, подавляя стыд.

– И что мне нужно делать?

– Ничего сложного, – сказал Малколм. – Просто слушайся нас и прочти книгу.

– Да уж. – Дэл фыркнул. – И ради всего святого, без моего разрешения не целуй больше жену.

Завоевание графини

За свои двадцать девять лет седьмой граф Латфорд повидал немало женщин – и полуодетых, и обнаженных. Однако не ожидал, что в первую брачную ночь при виде своей прекрасной, как ангел, жены в прозрачной нижней сорочке у него захватит дух.

Тем более что в ее глазах ясно читалось, что она скорее согласится принять ванну в корыте для свиней, чем позволит его руке прикоснуться к своей коже.

Крайне прискорбно. Потому что впервые в жизни Бенедикт Чарльз Артур Сеймур любил по-настоящему.

– Я выполню свой долг, милорд, – ровным голосом произнесла его молодая жена, дрожащими руками развязывая пояс.

Ее пеньюар соскользнул на пол, гладкий белый шелк растекся у ног, и Ирена предстала перед ним в легкой рубашке, лишив его дара речи и изгнав из головы все мысли.

Бенедикт, застывший в дверном проеме, отделявшем его спальню от спальни графини, с трудом оторвал ноги от пола. Сердце графа разрывалось, пока он к ней приближался, – он ясно видел, как напряжена девушка. Сжатые в кулаки руки вытянуты вдоль тела. Трепещущая грудь вздымалась и опадала. И тем не менее жена прямо смотрела ему в глаза, не отводя непокорного взгляда.

Винить во всем он мог лишь себя.

– Спите спокойно, – хрипло произнес Бенедикт и наклонился поднять с пола шелковистую одежду.

Ее босые ноги казались божественными, ничего более эротичного ему не доводилось видеть в своей жизни. Поднявшись, граф распахнул перед ней пеньюар.

– Я здесь по другой причине.

На мгновение гнев в ее взгляде сменился замешательством. Она позволила ему надеть на себя пеньюар, просунув руки в отверстия шелковых рукавов. Когда он завязал пояс на ее талии, – вольность, которую он не должен был позволять себе, но не смог удержаться, – она залилась легким румянцем, боже милостивый, даже просто находясь рядом с ней, он терял способность соображать.

– Могу ли я узнать, по какой именно? – спросила она, отступая назад.

– У меня для вас подарок. – Бенедикт вытащил небольшой сверток из кармана своего халата.

Ее взгляд упал на простую коричневую бумагу.

– Мне не нужен свадебный подарок, милорд.

– Бенедикт.

– Простите?

Она выгнула бровь – лицо приняло слишком насмешливое выражение для благовоспитанной молодой дамы. Именно из-за таких неожиданных черточек, присущих лишь ей одной, он и влюбился в нее.

– Мы стали мужем и женой. Я хочу, чтобы вы называли меня по имени. – Он протянул подарок: – Примерьте.

Тяжелый вздох сорвался с ее пухлых губ.

– По какому же поводу?

– Разве мужу обязательно нужен повод, чтобы сделать жене подарок?

– Разве я не дала понять, что наш брак не будет настоящим, милорд?

– Бенедикт. И я не помню, чтобы соглашался на какие-либо условия, определяющие, какой у нас будет брак.

– Однако вы довольно четко определили условия нашего брака своим обвинением.

Чувство вины пронзило его, углубляя рану, кровоточащую в его сердце с того момента, как он понял, что ошибался. Но, когда он узнал правду, было уже слишком поздно. Отвернувшись от Ирены именно тогда, когда она больше всего нуждалась в его поддержке, он лишился ее доверия.

– О своей ошибке я буду сожалеть вечно, – с трудом выдавил он наконец.

– А это, по всей видимости, извинения? – спросила она, указав глазами на подарок.

– Я не настолько глуп, чтобы считать, будто могу купить ваше прощение, любовь моя.

Это лишь знак моей привязанности.

Избегая его взгляда, она осторожно развернула бумагу и достала длинную бархатную коробку. Там лежала нитка рубинов и бриллиантов, которая стоила небольшого состояния. Ее глаза расширились.

– Милорд... – выдохнула она.

– Бенедикт, – тихо поправил он. – Вам нравится?

– Красиво. Но слишком щедро для меня.

– Пустяки. Вы графиня Латфорд. Вам пристало носить драгоценности.

– Спасибо, милорд. – Она повернулась и поставила коробку на туалетный столик. – Если это все...

От ее безупречно вежливого тона в комнате будто повеяло холодом. Как хотелось Бенедикту вернуть былой жар, жар, пылавший между ними, прежде чем он позволил своей гордости погасить его из-за единственного нелепейшего недоразумения! Бенедикт снова приблизился к ней:

– Умоляю, любовь моя! Прошу вас, дайте мне шанс все исправить.

Ее ресницы затрепетали, зрачки расширились.

– Зачем, Бенедикт?

– Ради долгой и счастливой совместной жизни.

Ирена нервно сглотнула, на нежной шее напряглась жилка.

– Увы, я больше не верю в подобные вещи. – Она прошла мимо него через комнату и остановилась у кровати. – Я обещала вам исполнить свой долг и сдержу слово. Я подарю вам наследника, и как можно скорее. А после родов уеду с ребенком в деревню, чтобы освободить вас от себя.

– Я вовсе не хочу быть свободным от вас, – пробормотал он.

– Милорд, не далее как две недели назад в присутствии самой злобной фурии высшего света вы обвинили меня в том, что в погоне за вашим титулом я самым постыдным образом заманила вас в ловушку, чтобы заставить жениться на себе.

– Но потом я узнал правду.

– Тем не менее вы опозорили меня.

– Так позвольте же мне все исправить! – С этими словами он бросился к ней. – Пожалуйста, Ирена!

Ее губы приоткрылись. Возможно, из-за того, что он назвал ее по имени. Или, возможно, из-за напряженного, взволнованного голоса, которым он повторяет свои извинения. И не перестанет повторять, пока она не поверит им.

– Не в моих силах изменить содеянное и сказанное мною. Все, что я могу, – попытаться доказать глубину своего раскаяния поступками и искренностью своих чувств к вам. Если вы позволите мне...

При этих словах в ее глазах вспыхнуло нечто иное, нежели презрение. И тут же исчезло, но оно появилось на мгновение, и это был хороший знак.

– Ирена...

– Слишком поздно, – прошептала она.

– Никогда не поздно! Если любишь... – Он поднес ее руки к губам, не спеша поцеловав каждый сустав, прежде чем встретиться с ее изумленным взглядом. – А я люблю, Ирена. Я вас люблю.

На его слова она ответила слабой улыбкой и убрала руки.

– Одной любви недостаточно, милорд.

– Бенедикт, – сказал он, проводя пальцем по изящной линии ее подбородка. – Только вы ошибаетесь. Любовь – единственное, что имеет значение. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам это доказать.

Бровь вновь изогнулась.

– И как же, осмелюсь спросить, вы надеетесь добиться своего?

– Я собираюсь завоевать вас.

Ирена фыркнула совсем не как леди.

– Как вы нелепы!

От ее смеха граф выпрямился во весь рост. Теперь он утвердился в своем решении. Собственный замысел казался ему блестящим и ведущим к неременной победе.

– Любовь моя, – сказал он, – мы все начнем сначала.

Глава четвертая

– Ну-у, ты меня разочаровала, – раздался за спиной голос Лив.

Тея подскочила от неожиданности. Рука дрогнула, и вся куча пыли и мусора упала с совка на пол. Тея обернулась к сестре:

– Почему?

– Оставила тебя наедине с бутылочкой первоклассного вина, а ты к ней даже не притронулась. Предпочитаешь возиться в грязи?

Наступил воскресный вечер, Лив вызвалась уложить девочек, и Тея, наверное, могла бы расслабиться, но ей было не до самокопаний. Она решила поскорее убрать мусор у стены, пока девочкам или собаке не вздумается в нем поиграть. Тея свалила грязь в мусорное ведро, а Лив достала из холодильника и открыла бутылку рислинга. Налила два бокала, протянула один сестре и плюхнулась на диван.

– Какой кайф от развода, если не использовать его как повод напиться?

– Что-то я пока никакого кайфа не словила, – сказала Тея, усевшись на другой конец дивана.

– Так а вино для чего? – Лив вытянула ноги и положила ступни на колени сестры.

Ноги у нее были длинные, и этот факт не улучшил настроения Теи. Ну почему, почему Лив посчастливилось родиться высокой и худощавой, как отец, а Тея получилась ростом со смурфика? Однако всякий раз, когда Тея жаловалась на низкий рост, Гевин уверял, что она идеальна, ведь, когда они обнимаются, его подбородок упирается ей в макушку.

– По-моему, у тебя какие-то сомнения, – выдала Лив.

– Никаких.

Лив наклонила голову и недоверчиво сощурила глаза.

– Ты все правильно решила.

– Знаю.

Тея отхлебнула из бокала. Она старалась приглушить чувство вины перед Лив за то, что не была с ней вполне откровенна. Ни за что она не рассказала бы сестре все. Чтобы сменить тему, Тея указала на разбитую стену:

– Я не слишком погорячилась?

– Ну и пусть. Именно такой ты мне и нравишься. Обожаю, когда на свободу с ревом вырывается злобная Теина душа.

Тея удивленно подняла брови.

– Тебе нравится та старая скандалистка?

– Да. Помнишь ее? Ту, что работала у мольберта голой и однажды приковала себя наручниками к бульдозеру, защищая дерево в кампусе? Я так скучала по ней.

Тея разглядывала скромный результат своих трудов на стене.

– Я тоже.

Когда в последний раз она давала волю своим порывам? Правда, и в нынешнем положении она оказалась отчасти из-за собственной импульсивности. Один раз, потеряв голову, забыв обо всем, переспала с Гевинем на заднем сиденье машины. Этого было достаточно, чтобы сперма встретилась с яйцеклеткой. И ошибки ее родителей повторились. Незапланированная беременность. Поспешная свадьба. Переезд в пригород. Муж, которого никогда не было дома.

Кстати...

– Ты еще не ответила на приглашение? – спросила Тея.

В декабре их отец собирался жениться в четвертый раз.

Лив фыркнула.

– Вот еще!

Тея понимающе кивнула.

– Я вот думаю: не написать ли ему «может быть, в следующий раз». Но не слишком ли грубо?

– В самый раз!

– Не понимаю, что в голове у всех этих женщин? Они будто не замечают его бурного прошлого.

– Банковский счет. На остальное они не смотрят.

Да, пожалуй, это единственное объяснение. Иначе какая женщина в здравом уме увидит в бабнике со стажем подходящего кандидата в мужья?

Лив допила вино.

– Ей тридцать два.

– Кому?

– Нашей новой будущей мачехе.

У Теи отвисла челюсть. Во дает папочка! Всего на шесть лет старше ее самой!

– Вот мама обрадуется, – фыркнула она.

– Кстати, о любимой маме, – сказала Лив. – Она мне сегодня дважды звонила.

Тея напряглась. Они с Лив не разговаривали с матерью уже несколько месяцев, каждая по собственной причине.

– Я ей не перезванивала, – добавила Лив.

– Думаешь, она звонила насчет свадьбы?

Лив пожала плечами и сделала глоток.

– Понятия не имею, но сообщать ей не собираюсь.

Тея поморщилась. Да, разговор вышел бы неприятным. Но, может, мать звонила по другому поводу?

– А вдруг она узнала о нас с Гевинотом?

– Вряд ли. Тогда она бы наговорила всякого на автоответчике.

– Или позвонила бы мне.

Крах замужества Теи наверняка доставил бы ее матери удовольствие.

«Всю жизнь ты осуждала меня, но погоди, теперь сама узнаешь. Напрасно ты думаешь, что ваша любовь будет вечной. Когда-нибудь и твой муженек разобьет тебе сердце, и тогда ты попросишь у меня прощения», – сказала ей мать в день свадьбы.

Тея откинула голову на подушку и, желая сменить тему, спросила:

– Как дела в кафе у Алексис?

Лив помогала подруге, которая собиралась открыть кошачье кафе, составлять меню. Сестра понимающе посмотрела на Тею.

– Все хорошо. Думаю, она откроется где-то в конце января.

– Ты решила насчет рецепта бабушкиного печенья?

– Еще нет. Все-таки мне хочется сохранить его для... – Она дернула плечами. – Ну, ты же знаешь...

Ее собственный ресторан. Сестра всегда о нем мечтала.

Ну, *всегда* – это громко сказано. Одно время единственное, чем была забита ее голова, – новые хитроумные способы протеста. Плохие оценки. Плохое поведение. Плохие парни. В подростковом возрасте Лив просто упивалась всем плохим. «Неугомонная, будто ловит червяка с колокольчиком», – говорила о ней бабушка. Если честно, Тея так и не поняла, что это значит, но решила: наверное, смысл в том, что Лив постоянно гоняется за тем, чего не существует.

А Тея понимала сестру. Ни одна из них не вышла из детства без потерь. Просто шрамы в душе они прятали по-разному.

И все же, хотя Лив и мечтала открыть собственное дело, она отказывалась взять ссуду у Теи. Своими делами Лив занималась сама. Или просто забрасывала их, и тогда ей приходилось работать с боссом-тираном и терпеть его издевательства.

– Спасибо, что ты рядом, – сказала Тея, повернувшись к Лив.

– Не благодари. Ты со мной столько возилась.

– Ну я-то возилась по обязанности. Все-таки старшая сестра.

– Да ведь ты и сама была ребенком.

Тея допила вино и со вздохом встала.

– Пойду прилягу.

Когда она проходила мимо Лив, сестра схватила ее за руку.

– Все будет хорошо, Тея!

– Ты и я против всего мира, верно?

Лив мягко улыбнулась и сжала ей руку.

Наверху Тея прокралась в комнату девочек. Сначала наклонилась над кроватью Амелии, пригладила волосы и нежно поцеловала ее в лоб. Затем задержалась у кровати Авы. Даже во сне дочка была серьезнее Амелии. Она крепко прижимала к груди свою любимую игрушку, крошечные розовые губки сжались в тонкую линию. Минутная разница в возрасте сделала ее настоящей старшей сестрой со всеми вытекающими отсюда обязанностями.

Тея выскользнула из детской и закрыла дверь. Тихо подозвала Баттера и велела следовать за ней. Быстро переодевшись в ночную рубашку, она пошла в ванную умыться на ночь, почистить зубы, расчесать волосы.

По пути задержалась у комода Гевина. Сердце сжалось от тоски и забилось чаще. Муж оставил здесь почти все вещи – большую часть одежды и обуви, коллекцию бейсболок. На комод стояла небольшая миска со всякими мелочами, которые он вываливал из карманов, – монетки, квитанции за бензин, пачка апельсинового *Tic Tac*. Тея провела пальцами по коробочке. Она почти ощутила вкус драже, его аромат всегда присутствовал в дыхании Гевина, когда он легко касался ее губами перед очередной поездкой на игры.

Совсем не так целовал он ее сегодня.

Тея взяла *Tic Tac* и выбросила в мусорное ведро. Выключила свет и забралась под одеяло. Баттер запрыгнул к ней и, повозившись, улегся на месте Гевина. Вот только оно больше не было местом Гевина. Муж ушел. И никакие его мольбы и извинения не могли ничего изменить. Потому что кем он, черт возьми, себя возомнил? Нагло пришел и поцеловал ее после всего. Надеялся, что она сразу растает и забудет обо всем. Ну да, может, она и забыла на мгновение. Давно он не целовал ее так, как целовал раньше, еще до беременности, когда они были влюблены, как сумасшедшие. В то время она ни за что бы не поверила, что мужчина, который каждый день, сгорая от нетерпения, срывал с нее одежду, чтобы утолить безудержную страсть, превратится в мужчину, который обнимает ее будто по обязанности. Который все реже тянется к ней по ночам. Которого не интересуют ее желания. Который даже не замечал, что она вновь и вновь остается неудовлетворенной.

Пока не настала та ночь. Ночь Большого Скандала.

Тея закрыла глаза рукой и зажмурилась, чтобы остановить поток воспоминаний, но они преследовали ее, как противная мелодия, засевшая в голове.

К тому времени секса у них не было уже два месяца, и они почти не разговаривали – только о детях, домашних делах и его игровом графике. Идти на тот матч она не хотела, но даже в своем новом состоянии «во-что-черт-возьми-я-превратилась» Тея не была мелочной. Она не могла пропустить игру плей-офф⁵. Слишком многое на кону. Так что, как настоящая

⁵ От англ. *Playoff* («игра на вылет»). В спортивных соревнованиях – система розыгрыша, при которой участник выбывает из турнира после первого же проигрыша.

Суд, она надела майку Гевина, наклеила на лицо лучезарную улыбку, позировала для фото и заняла место на трибуне в семейной секции.

А потом наступил девятый иннинг⁶. Базы загружены. Два выхода. И Гевин стоит на пластине. Для ничьей ему достаточно было сингла. Дубль означал бы победу. В карьере Гевина это был самый важный момент, и впервые Тея почувствовала, что он важен и для нее. Почему, она не успела разобраться, потому что начала рыдать, как только он взмахнул битой. Тея сразу поняла, что у него получилось! Он выбил хоумран! И не просто хоум-ран. Победный хоум-ран!

Слезы катились по ее лицу, когда она смотрела, как муж бежит по базам, подняв руки вверх. Кричащей, ликующей толпой встречали его на домашней базе товарищи по команде. Трибуны скандировали его имя. Дэл облил его «Гаторейдом»⁷. Дикторы назвали удар финалом, достойным Голливуда. О таком моменте мечтает каждый игрок всю жизнь, но случается он редко. Тея ликовала наравне с остальными. Пила шампанское в клубе. Позволила мужу поднять себя и поцеловать.

Вернувшись домой, они вдруг стали такими же, как раньше. Сумасшедшими. Безумно влюбленными. Они были так возбуждены, что буквально срывали одежду друг с друга. Кое-как добрались до спальни. И Гевин, о Гевин... он набросился на нее, будто голодный, как и раньше. В его прикосновениях была звериная страсть, которой она не чувствовала так давно. Настойчивость, так волновавшая ее, приводила в восторг. К ней тоже вернулись былые пыл, безумие. Она была пьяна от него, от шампанского, от желания...

Оргазм застал ее врасплох, ослепил, заставил содрогнуться и вскрикнуть. Внезапно Гевин замер.

– Ч-ч-то это было?

Тея засмеялась, радость переполняла ее и вылилась наружу.

– Давненько у нас так не получалось, но разве ты забыл, как это называется?

Гевин схватил ее за плечи и приподнял.

– Что, черт возьми, это было, Тея?!

Голос был холодный и строгий, от него по ее телу пробежала дрожь.

– Ты о чем?

Он бесцеремонно вышел из нее. Наслаждение постепенно гасло. Страсть на его лице сменилась застывшей маской, под которой невозможно было разобрать его чувства. Но Тее и так все стало ясно. От страха у нее заболел живот. Он понял. Вот дерьмо. Он теперь знает.

– У-у... – Он осекся, поморгал, сглотнул и спросил: – У-у тебя был оргазм?

Тея попыталась улыбнуться, но не смогла.

– Боже мой, – выдохнул он, отстраняясь. – Так ты все время притворялась... – Это было утверждение. Не вопрос.

Тея нервно ответила:

– Что? Нет, не притворялась.

Гримаса боли застыла у него на лице. Тея потянулась к нему. Он отшатнулся.

– Не лги, Тея! И давно ты притворяешься?

– Гевин...

– Давно?! – выкрикнул он чужим голосом так, что она подскочила.

Тея подняла с пола майку и натянула на себя. Иллюзия двух последних часов быстро угасала, мираж исчез.

Не услышав ее ответа, Гевин схватился за голову.

– Ты *все время* только изображала оргазм?

⁶ Часть бейсбольного матча, в которой команды поочередно играют в защите и нападении.

⁷ Серия изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo.

Врать не имело смысла. И, черт возьми, ей давно уже надоело врать. Надоело фальшиво улыбаться. Делать вид, что все хорошо. Притворяться.

– Все время? – огрызнулась она. – Нет, не все. С тех пор как родились девочки.

– Так это же почти весь наш брак!

– Вот именно! И как ты умудрился не заметить?

Он уставился на нее и, не говоря ни слова, умчался в гостевую комнату. В их постель он больше не вернулся.

Как там говорила бабушка? *«Если мужчина от тебя уходит, помаши ему на прощание ручкой и запри за ним дверь. Не трать на него силы. У тебя есть дела поважнее».*

У Теи действительно были дела поважнее. Закончить учебу. Сделать карьеру, которую она забросила ради Гевина. Вырастить сильных, уверенных в себе дочерей. И никогда, никогда больше не быть дурой, которая доверит свое сердце мужчине.

Глава пятая

К утру понедельника Гевин погрузился в пучину отчаяния. Но потом в восемь утра в дверь его гостиничного номера постучали, и он понял, что беды еще не иссякли. Потому что по ту сторону двери стоял Мак Брейден-Книжный-Стояк.

– Какого хрена ты пришел?

– Ну-у, разве так разговаривают с другом, который принес тебе кофе?

– Какой ты мне друг?! Ты заноза в моей заднице. – Однако кофе ему хотелось, поэтому он впустил Мака. – И ты не ответил на мой вопрос.

– Жду Дэла.

– Почему у меня?

– Потому что нам нужно кое-чем заняться. – Мак вытащил бумажный стаканчик из картонного пакета для напитков. – Я взял тебе латте со вкусом тыквы. С корицей. Как раз для твоего случая.

Гевин ответил ему непристойным жестом, скорчил рожу и отвернулся. Но желание взбодриться свежим кофейком пересилило, и он поступился гордостью. Открыл язычок на пластиковой крышке и сделал глоток. От головокружительного аромата он застыл на месте и застоялся. О кофейные боги! Бурда в стаканчике была восхитительна! Просто жидкий тыквенный пирог! И почему раньше он никогда не заказывал такой кофе? Вот дурак! Теперь понятно, почему женщины так любят это дерьмо.

Мак ухмыльнулся.

– Я угадал? Обожаю такие штуки.

Дверь задрожала от очередного настойчивого стука. В номер стремительно ворвался Дэл. По его лицу было видно, что он здесь по важному делу и не намерен заниматься ерундой.

– Где мой кофе? – рявкнул он.

Мак указал на контейнер.

– Тыквенный латте со специями, как ты и заказывал.

У Гевина отвисла челюсть.

– Ты тоже это пьешь?

Дэл бесцеремонно плюхнулся в кресло у окна.

– Вообще-то люблю, но мне как-то стыдно заказывать его для себя.

Мак плюхнулся на кушетку и вскинул ноги.

– Ну и зря. Чего стесняться, раз нравится. Яркий пример токсичной маскулинности! С ней сталкиваешься на каждом шагу. Если что-то нравится женщинам, мужики сразу начинают над этим издеваться. Вот так и с тыквенным латте, и любовными романами. Если женщины их любят, значит, это глупо, несерьезно, так ведь?

Гевин хлопал глазами.

– Ты говоришь, как Малколм.

– Я не только красивый, но и умный, приятель. – Мак поставил стакан с кофе и поднялся. – Покажи-ка нам свой гардероб.

Гевин поперхнулся своим кофе.

– Это еще зачем?

– Мы должны выбрать, что тебе надеть сегодня на школьный спектакль.

– Вы что, пришли выбирать мне наряд?!

– И это тоже, – ответил Дэл.

Мак подошел к единственному шкафу напротив ванной и распахнул дверь.

– Грустное зрелище, чувак, – сказал он, перебрав несколько вешалок. – Это все?

– Нет, говнюк. Почти все осталось дома.

– Ну-у, так я работать не могу! Придется пройтись по магазинам.

– Еще не хватало! К черту магазины!

– Вот она, токсичная маскулинность, – хмыкнул Мак.

Дэл вздохнул, как измученный водитель автобуса, которому предстоит еще одна трехчасовая экскурсия.

– А ведь я мог бы остаться дома, в постели с женой...

Мак и Гевин резко развернулись, издав возгласы удивления.

Дэл пожал плечами.

– Она была готова. Пыталась заманить меня обратно в постель...

Мак зажал уши.

– Тс-с, здесь дети!

– Хватит кривляться! – рявкнул Дэл на Мака. – Чем критиковать его гардероб, придумай что-нибудь. И ты. – Он повернулся к Гевину: – Рассказывай.

Гевин оглянулся, будто Дэл обращался к кому-то другому.

– Что рассказывать?

– Что нового ты узнал.

– Узнал?

– Из книги, – сказал Дэл, скрестив руки на груди. – Надеюсь, ты уже начал читать?

Гевин поморщился.

Дэл требовательно смотрел на него. И даже как будто стал выше на несколько дюймов.

– Ты вообще серьезно к этому относишься?

– Ну...

– Мы тебе поверили, приняли в клуб...

– Да вы только в субботу дали мне эту чертову книжку!

– Ну извини, – сказал Дэл. – Мы же не знали, что у тебя есть дела поважнее. Я-то думал, что главное для тебя – спасти брак. – Он провел рукой по волосам и с минуту задумчиво смотрел вдаль. Затем снова взглянул на Гевина. – Сколько ты прочитал?

– Первую главу.

– Боже, – пробормотал Дэл.

– Послушай, Дэл. Честно говоря, я не очень-то понимаю, что в этой книге полезного.

– Потому что не пытаешься понять.

Гевин поплелся к прикроватной тумбочке, чувствуя себя ребенком, которого директор школы только что отчитал за несделанные уроки. Он вытащил из ящика «Разъяренную графиню», или как там ее.

Дэл взял «Графиню» и поднял вверх, как священник, поднимающий Библию, собираясь произнести проповедь.

– Мы неспроста выбрали для тебя именно эту книгу...

– ...потому что она про мужика, который запарол свой брак. Это я уже понял.

– Не только из-за этого.

Дэл открыл книгу и пролистал пару страниц, пока не нашел то, что искал. Он прочистил горло и прочитал:

– «Любовь моя, мы все начнем сначала».

– И что? – сказал Гевин.

– И с Теей нужно так же.

– Не понимаю.

– Тебе нужно снова завоевать свою жену. – Дэл бросил книгу на кровать. – А времени у нас мало, так что вставай.

– Зачем?

– Нужно потренироваться. Поработаем над флиртом.

Гевин подавился кофе во второй раз.

– Ну уж нет!

– Ты накосячил, приехав туда в субботу, так что сегодня вечером действительно придется постараться. Сделай так, чтобы она хоть чуть-чуть смягчилась, старайся переломить ситуацию. Иди сюда.

Гевин попятился.

– Вот еще. Тея ненавидит флирт.

– Что?! – Мак прыснул. – Что за бред! И как же ты уговорил ее на первое свидание?

– Без всякого флирта.

Чистая правда. Тея даже как-то сказала ему об этом. Она работала официанткой в кофейне и обратила на него внимание именно потому, что в отличие от других он никогда не отпускал глупых шуток в ее адрес, не был слишком развязным. Хотя неизвестно, показалось бы ей такое поведение милым, если бы она знала, что Гевин просто боится. Боится, что она посмеется над ним. Но надо же, сработало.

Дэл снова вздохнул.

– Гевин, все женщины любят флирт. Просто флиртовать с каждой нужно по-разному. Некоторые без ума от пошлых шуточек. Другим подавай рыцарское обращение. А кому-то нравятся тихие, нежные прикосновения.

– Откуда, черт возьми, мне знать, что нравится Тее?

Мак отвернулся от шкафа и недоверчиво посмотрел на него.

– Сколько вы женаты?

Дэл перебил его:

– Так это и означает «выучить ее язык».

– Мне не выучить до вечера! – Господи, какое унижение!

Дэл сделал Маку какой-то знак, тот спросил: «Почему я?» – и нехотя вышел из комнаты. Он мгновенно вернулся, преобразившись. Прислонился к дверному проему, скрестив руки на груди, и слегка улыбнулся. Затем подмигнул.

Гевин смотрел на него через плечо.

– Охренел, что ли?

– Выглядишь потрясающе. Не могу поверить, что со мной рядом такая красотка, все вокруг только на нас и смотрят...

– Гм...

– Ты бы хоть предупредила, что будешь в таком обалденном платье. – Затем он медленно поднял и опустил глаза. А потом все закончилось. Он пожал плечами и отошел от двери. – Флирт – это уверенность в себе, чувак. Вот и все.

– Как раз ее-то у меня и нет.

– Не *твоя* уверенность, тупица. Ее. Ты должен добиться, чтобы рядом с тобой она чувствовала себя единственной женщиной на свете. Чтобы на ее лице играли улыбка, легкий румянец, чтобы она вышагивала гордо, как королева. Говори такие слова, которые она будет вспоминать вновь и вновь, когда окажется в постели.

Гевин чуть не застонал, представив Тею в постели. В одной из тех коротких шелковых туник, которые она носила, когда была одна. Или, о ужас, наедине с каким-нибудь парнем. О боже, его сейчас стошнит!

– Поставь кофе на стол, – приказал Дэл.

Гевин повиновался. Таинственно улыбаясь, Дэл направился к нему. Его глаза встретились с глазами Гевина, и, черт возьми, Гевин не смог отвести взгляд. Он даже не заметил, как отступил и прислонился к стене. И очутился в кольце рук Дэла, который, продолжая улыбаться, склонился к нему.

– Привет...

– Привет, – автоматически ответил Гевин.

– Наша прошлая ночь... Не могу забыть ее... вспоминаю без конца...

Гевин прерывисто вздохнул.

– Ч-что случилось прошлой ночью?

Дэл подмигнул.

– Тебе напомнить?..

Боже! Гевин вжался в стену.

– Ой, я, кажется, слегка возбудился.

– Ты должен показывать ей свою страсть, – сказал Дэл, все еще находясь в образе. Он приподнял брови и плотоядно взглянул на рот Гевина. – Ну примерно вот так, причем сейчас я не слишком-то и старался.

Мак покашлял.

– Извините, что прерываю ваш интим, но у нас тут проблема. – В руках он держал серый свитер. – Единственная приличная вещь, которая нашлась у капитана Раздолбая в его убогом гардеробе.

Гевин отбросил руки Дэла. Тот отошел в сторону.

– Не забывай почаще смотреть ей в глаза. Зрительный контакт очень важен.

– Еще время от времени подмигивай, – сказал Мак, бросая свитер на кровать. – Женщины любят такую фигню.

– И смотри на губы. Пусть думает, что ты представляешь, как они ласкают твоё тело, – прибавил Дэл.

Ну, это совсем нетрудно. Почти все время Гевин представлял губы Теи на своем теле.

Стоп... Гевин переводил взгляд с одного приятеля на другого.

– И все? Скажу, что мне нравится ее платье. Н-намекну, что мечтаю, чтобы она меня облизала? Это и есть ваш п-план?

– Пока да.

Гевин рухнул на кровать.

– Не подействует.

– Может, мы бы и придумали еще что-нибудь, но не знаем толком, что там у вас произошло. Ты же не рассказываешь. А зря...

– И не собираюсь.

– Ладно, – сказал Дэл с еще одним протяжным вздохом. – Тогда просто расскажи нам хоть *что-нибудь*. Что хочешь. Вспомни какую-нибудь фразу, которую она сказала в субботу. Может, это поможет нам составить план на вечер.

Гевин упал на спину и уставился в потолок. Каждое слово, произнесенное Теей в субботу, прочно засело в его мозгу. Но если он поделится с парнями, они сразу поймут, что к чему.

– Она хочет сохранить дом, – сказал он.

Дэл оживился.

– Так и сказала?

Гевин кивнул.

– Сказала, ч-что, если у кого-то из нас останется этот дом, д-девочкам будет легче, потому что он для них р-родной. И спросила, не заплачу ли я ее д-долю.

Дэл и Мак переглянулись.

– Может сработать, – сказал Мак.

– Рискованно, – возразил Дэл. – Сейчас не времена Регентства. По закону Тее и так принадлежит половина имущества.

– Зато символично и может сыграть нам на руку в дальнейшем, – сказал Мак.

– Эй, – сказал Гевин, поднявшись и помахав им руками. – Ребята, вы про меня не забыли? Что за долбанные секреты? Хватит уже ерничать!

– Ты начинаешь действовать.

– Объясните н-наконец, ч-что это значит!

Дэл и Мак обменялись взглядами, и Гевин понял, что ответ ему не понравится. И не ошибся.

Дэл глубоко вздохнул.

– Ты согласишься на развод.

И это называется план?!

– Точно, – сказал Мак. – Но сначала пройдемся по магазинам.

Глава шестая

– Ой, мамочка, царапается!

Тея посмотрела на кончик карандаша для грима, которым разрисовывала лицо Авы. Она вызвалась помочь с декорациями и гримом для школьного мюзикла. Эти хлопоты должны были как-то ее отвлечь, но голова все равно была занята совсем другим. Вот-вот должен появиться Гевин. Как жаль, что Лив не может поддержать ее, у сестры сегодня вечерняя смена.

– Прости, милая, – сказала Тея, отнимая карандаш от лица Авы.

– Мамочка, как красиво! – Стоявшая рядом Амелия захлебывалась от восторга. – Ты так приятно рисуешь!

– Так *хорошо*, – тихо поправила Тея. – Спасибо. Рада, что тебе нравится.

Она наложила последние штрихи на оленьей мордочке Авы – обе дочери играли оленят – и убрала грим в сумку. До начала оставалось всего десять минут. Учительница хлопнула в ладоши и, стараясь перекричать возбужденно болтающих детей, велела им строиться.

Тее тоже пришлось отправиться в зал. Зря она не солгала Гевину, будто во время шоу ей нужно быть за кулисами. Она была не в силах вести светские разговоры и фальшиво улыбаться, а этого было не избежать при любом появлении на публике вместе с Гевинком. Дай бог ей душевного равновесия, чтобы не вмазать ниже пояса любому, кто первым начнет расточать восторги по поводу грандиозной победы.

Когда Тея спускалась по ступенькам со сцены, от волнения свело живот. Взгляд скользил по толпе семейных пар, ищущих места. У многих женщин было одинаково раздраженное выражение лица, что могло означать только одно – их мужья опоздали, и теперь они не могли найти два рядом стоящих красных бархатных кресла. Слава богу, Гевина не было видно. Может, и ей не стоит спешить в зал, и тогда они тоже не смогут сесть рядом.

Однако облегчение было недолгим.

– Привет.

Услышав его голос, она чуть не подпрыгнула. В тонком джемпере с V-образным вырезом Гевин стоял у сцены и улыбался. Джемпер, которого она раньше никогда не видела, обтягивал его мускулы так, что казалось, хлопковая ткань не выдержит и порвется. Но Тея могла выдерживать. Она получила такой удар под дых, который еще зовется «разбитое сердце», что теперь ее не проймешь накачанными бицепсами, мощными предплечьями и дразнящей ложбинкой между рельефными кубиками мышц на груди, – к черту все! Она спустилась по ступенькам в зал.

– Ты нашел места?

Он указал на проход.

– Десятый ряд. Я положил пальто на сиденья.

Гевин пропустил ее вперед, а потом его рука опустилась ей на плечи, как будто они пришли вместе. Просто еще одни счастливые мама и папа. Она осторожно отстранилась, и в этот момент посреди какофонии в зале послышалось:

– Эй, ты же Гевин Скотт, верно?

А-а, ну конечно. Тея обернулась, и в ее голове пронеслась длинная вереница многоэтажных ругательств. Отец одного из школьников в джинсах и с короткой стрижкой протянул Гевину руку. Тот остановился и вежливо поздоровался, как поступал всегда, если к нему обращались фанаты.

Тея фальшиво улыбнулась и тоже протянула руку.

– Тея Скотт.

Мужчина вяло потряс ее пальцы. Бывают же мужчины, которые не в состоянии даже нормально пожать руку женщине. Он едва взглянул на нее и снова переключился на Гевина.

– Не повезло вам в последней игре, – сказал мужчина. – Это предупреждение. Судья ослеп, что ли?

На челюсти Гевина вздулась вена. Он ненавидел, когда в проигрыше обвиняли арбитров.

– Вообще-то мы сами виноваты. Из-за одного промаха загубили всю игру. Я слажал.

– Нет, все из-за Дэла Хикса. Умудрился упустить такой легкий мяч. Его контракт, кажется, истек? Так, может, пора избавиться от него. Это настоящий балласт для команды.

– Дэл Хикс – м-м-м...

Гевин разнервничался и начал заикаться. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на лицо собеседника. Этот мудака смотрел куда угодно, только не на Гевина. Как будто заикание было чем-то постыдным. Тея презирала таких. Они называли себя фанатами Гевина, но, услышав его заикание, вели себя так, будто у него заразная болезнь.

Инстинктивно Тея взяла руку Гевина и сжала. Их пальцы сомкнулись, он выдохнул. И начал снова.

– Вообще-то Дэл Хикс – мой лучший друг, – холодно произнес он.

– Вот как. Ну, не буду мешать вам, ребята, пора занять места, – сказал мужчина. Краска залила его лицо. – Рад был встрече.

Тея попыталась вырвать свою руку из руки Гевина, но тот не отпускал. Вместо этого повернул ее себе и наклонился к ее уху, почти касаясь его губами, обдавая знакомым запахом мыла и *Tic Tac*. Она чувствовала его дразнящее дыхание на своей коже.

– Спасибо, – тихо сказал он.

– Этот парень настоящий козел.

– Тея...

Голос был такой серьезный, что она невольно взглянула на Гевина. Однако сразу отвела взгляд, в его глазах была такая же скорбь, как и в голосе, и это было невыносимо.

– Больше так не делай.

– Как так?

– Прекрати эти свои штучки. Я не могу отвечать тебе тем же.

– Я всего лишь произнес твое имя.

– Дело в том, *как* произнес.

– Ну и как же?

– Будто оно что-то для тебя значит, – со злостью выпалила она.

Он наклонился к ней медленно, с умыслом, не отрывая от нее возмущительно озорного взгляда. Нет-нет, ее сердце *не* застучало гулко, а кожа *не* покрылась мурашками от чарующей ласки в его голосе.

– Сегодня утром я п-проснулся с твоим именем на устах. Что это значит, как ты думаешь? – прошептал он.

Что еще за фокусы?!

Он подмигнул, отпустил ее руку и пошел к их местам. Тея застыла в проходе, подыскивая слова, чтобы ответить. Наконец ее ноги обрели способность двигаться.

– И что это было? – прошипела она, садясь.

Он забросил лодыжку на колено другой ноги. Излюбленная мужская поза.

– Ты о чем?

– Ты знаешь, о чем я! Ты только что подмигнул мне!

– Так и есть. Конечно, подмигнул.

– Ты же никогда не подмигиваешь.

– Неправда.

– А вот и нет. Чистая правда. Женщина всегда помнит, когда мужчина подмигивает, потому что нам это нравится. Действует, как кошачья мята на кошек. Подмигни нам – и мы перевернемся на спинку и замурлыкаем. Я уж и не помню, когда ты мне подмигивал.

– Значит, я идиот. – Гевин медленно перевел взгляд на ее губы. – Потому что я мечтаю услышать твое мурлыканье.

Тея взвилась:

– Что-что?!!

– Между прочим, в-выглядишь п-потрясающе, – сказал Гевин беспечно, переводя взгляд на сцену. – Ты бы хоть п-предупредила, что будешь в таком обалденном платье.

Свет погас, и благословенная тьма скрыла ее абсолютно *не* пылавшие жаром щеки.

В темноте зала Гевин оглядел Тею. Спина неестественно прямая, ноги скрещены. Руки стиснуты так, что еще чуть-чуть, и пальцы затрещат.

Если чертов план не сработает, он выпустит кишки из Дэла и Мака. И не только из-за флирта. Гевин не слишком верил в их советы. И недоумевал, как он согласился им следовать.

Занавес поднялся, из динамиков полилась музыка. На сцене, сбиваясь и путая шаги, начали танцевать дети в масках животных. Он рассмеялся, узнав дочерей. Даже на сцене угадывались их характеры. Амелия, яркая и энергичная, танцевала в своем собственном ритме. Ава – серьезно, изо всех сил стараясь выполнить все шаги точно, как учили. Тея разжала руки и сидела расслабленно, откинувшись на спинку кресла. Как бы она ни злилась на Гевина, при виде девочек она позабыла о своем гневе.

Странное ощущение – будто падаешь в бездну – не покидало его, когда он наблюдал за Теей. Он не отрываясь смотрел, как реагировала она на трогательные движения Авы и Амелии, как нежна линия ее подбородка, как углублялись ямочки на щеках, когда она смеялась, как под левым ухом белеет крошечный шрам в форме полумесяца.

В темноте они встретились взглядами, и от настороженного выражения ее лица у него побежали мурашки.

Шоу длилось час. Как только занавес опустился, Тея снова взглянула на него.

– Прекрати.

Он решил притвориться тупым, хотя под мышками выступил пот.

– Что прекратить?

– Да все твои чертовы штучки, – прошептала Тея, поглядывая вокруг, чтобы убедиться, что никто не слушает. – Ты все время паялся на меня. И фраза про мурлыканье? Что ты вытворяешь?

Он опробовал полуулыбку, которую использовал Мак.

– Просто флиртую с женой.

– Флиртуешь?! – Ее рука легла на его лоб. – У тебя что, жар?

С колотящимся сердцем Гевин снял ее руку со лба, перевернул и прижался губами к ладони.

– Вообще-то, – пробормотал он, как надеялся, соблазнительным тоном, – есть немного.

Тея отняла руку и отпрянула назад, глядя на него, как будто у него выросли рога.

– Ты попал в автомобильную аварию? Упал с лестницы или, может, получил мячом в голову?

Гевин сглотнул.

– Не понял?

– Травма головы. Единственное объяснение. Тебе нужно к врачу.

– Так, может, поиграем в доктора? – Его неуверенное нытье совсем не походило на голос напористого соблазнителя.

Полные блестящие губы Теи приоткрылись. Но она тут же стиснула зубы. И, как солдат, услышавший команду «смирно», вскочила на ноги. Он не последовал ее примеру, и она уничижительно взглянула на его колени. Как будто он преградил путь своей мощной, под два метра, фигурой с единственной целью – не дать ей уйти красиво. Он встал, позволил ей проскользнуть мимо, а затем последовал за ней к выходу в медленно движущейся толпе.

Холл перед зрительным залом быстро заполнился родителями, встречающими детей. Гевин осторожно пробирался в толпе, стараясь держаться как можно ближе к Тее. В ее походке чувствовалось напряжение. Она шла, опустив голову, прижав к себе сумочку, будто в ней хранились коды для нанесения ядерного удара.

Гевин встретил несколько искренних улыбок и ответил на них. Он давно уже научился ловко избегать других улыбок – нервной улыбки фаната, предупреждающей, что тот собирается *действовать*, попросить автограф или совместное селфи. Поклонники были источником жизненной силы профессиональных спортсменов, и более преданных фанатов, чем в Нэшвилле, не найти во всей Америке. Но профессиональные спортсмены тоже люди, и им иногда хочется провести тихий вечер в кругу семьи или посмотреть, как их дети выступают на школьном празднике. А иногда им приходится уговаривать своих жен не разводиться с их жалкими задницами.

Он подошел к Тее, засунув руки в карманы.

– Я подумал, может, после этого мы...

Предложение сходить поужинать куда-нибудь всей семьей – что было идеей Дэла – ему закончить не удалось, потому что женщина в красном костюме и на высоких каблуках окликнула Тею и весело помахала ей рукой.

– Миссис Мартинес, – приветствовала ее Тея.

– Зовите меня Лидия. – Женщина улыбнулась. – Как хорошо, что я вас встретила.

Тея посмотрела на Гевина.

– Э-э, хм, Гевин, это миссис Мартинес, директор начальной школы. Лидия, это Гевин. Мой муж.

Мой муж. Никогда эти два слова не звучали столь неестественно и в то же время многообещающе.

Миссис Мартинес пожала Гевину руку.

– Приятно познакомиться.

Директор снова повернулась к Тее.

– Просто хотела сообщить вам, что подготовлю рекомендательное письмо к следующей неделе. Вас устроит такой срок?

Рекомендательное письмо? Тея взглянула на него – как ему показалось, нервно, – затем снова на Лидию.

– Было бы чудесно, Лидия. Спасибо.

От выражения благодарности директор отмахнулась.

– Что вы, это такая малость! Вы столько работали волонтером и в этом году, и в прошлом. Лидия помчалась дальше, прощепетав на бегу «до встречи на следующей неделе».

– Что за рекомендательное письмо? – спросил Гевин.

– Для Вандербильта⁸, – сказала Тея с натянутой улыбкой. – Я снова поступаю, чтобы получить диплом.

– К-когда ты решила?

В ее глазах вспыхнул огонь возмущения.

– Я всегда планировала доучиться, Гевин.

– Тея, разве я против...

Вот черт! Зря он это сказал. Эх, зря.

Тея вскинула голову, шея у нее покраснела.

– Что ж, и на том спасибо. Я и не собиралась делать это без твоего разрешения.

Гевин нервно провел по волосам.

– Детка, я не то имел в виду. Успокойся. Может, сбавим обороты и...

– Предлагаешь мне успокоиться? Не припомню, чтобы это когда-либо действовало.

Всемогущий бог! Гевин будто оказался внутри огненного шара. Он прямо чувствовал, как языки пламени лижут его тело. В ушах звенело, и было ясно, что от гибели его отделяет лишь еще одна глупая фраза.

– Мамочка, ты видела нас?

«Слава богу», – выдохнул с облегчением Гевин, увидев, как к ним бегут Амелия и Ава.

Лицо Теи сразу преобразилось. Она раскрыла руки и ждала, пока девочки прибегут в ее объятия.

– Вы выступали изумительно! – восторгалась она, наклоняясь и целуя каждую. – Лучшие танцующие олени!

– А ты, папа, видел нас? – спросила Амелия, обнимая его за ноги.

– Видел, милая. Что-то невероятное.

– Хочу есть, – сказала Ава, и Гевину захотелось закружить ее за то, что помогла ему перейти к плану.

– Вернемся домой, и я приготовлю тебе макароны с сыром, – сказала Тея.

Звон в ушах стал громче, но Гевин решил рискнуть:

– Знаете что? А ведь я тоже голоден. Почему бы нам не пойти к Стелле?

«У Стеллы» было их любимым заведением. В этот маленький ресторанчик в центре города они водили девочек с тех самых пор, когда те научились сидеть в высоких стульях.

– Правда, мамочка! Мы пойдем к Стелле? – спросила Амелия.

Гевин затаил дыхание, натолкнувшись на недобрый взгляд Теи. Он нервно сглотнул.

– Расскажешь мне о Вандербильте, – предложил он.

Тея бросила на него свирепый, как удар по яйцам, взгляд, но потом радостно улыбнулась девочкам.

– Звучит заманчиво, – сказала она. – Почему бы тебе не взять девочек, а я встречу вас там?

– Я поеду с мамой, – сказала Ава, сжимая ее руку.

От ее слов Гевин вздрогнул. Удар попал в цель, но Гевин выдавил из себя улыбку.

– Пусть Амелия едет со мной, а Ава – с тобой.

Они с Теей припарковались на противоположных концах стоянки, поэтому разошлись в разные стороны. Амелия крепко взяла его за руку и начала раскачивать ее взад и вперед.

– Ава каждую ночь шпит ш мамочкой, – сказала она, спрыгивая с тротуара.

От ее шепелявости у него защемило в груди. Тея не раз говорила, что это не повод для беспокойства, но он переживал за дочь. Казалось бы, что стыдного в заикании, но Гевину потребовалось много времени, прежде чем он как-то сжился с ним. Слишком много издевательств он перенес в детстве и теперь беспокоился, что дочери могут столкнуться с тем же.

⁸ Университет в Нэшвилле.

– Прямо каждую ночь, а? – сказал он, осознав наконец, о чем говорит Амелия.

– Она просыпается и идет к маме. А вот я сплю всю ночь в своей кровати. Она называет меня малявкой, потому что я боюсь грома, а на самом деле она сама малявка, потому что боится темноты.

Гевин остановился у ряда припаркованных машин и опустился перед дочкой на корточки.

– Солнышко, не стоит называть друг друга малявками. Бояться – это нормально. – Слова отеческой мудрости соскакивали с его языка, но мозг был занят другим. С каких это пор Ава стала бояться темноты? – Даже взрослые чего-нибудь да боятся. Но ведь из-за этого мы не станем малявками, так?

Амелия кивнула, соглашаясь. Гевин улыбнулся и встал. Они снова пошли к машине, и, пройдя нескольких шагов, девочка спросила:

– А чего боишься ты, папа?

«Потерять вас и маму», – подумал он. Казалось, сегодня дочери решили окончательно разбить его сердце. В горле застрял комок.

– Клоунов, – сказал он, изобразив, что трясется от страха. – В больших красных скрипучих башмаках с длинными носами.

Затем схватил дочку под мышки, взвалил на плечи и понес, упиваясь ее радостным визгом.

Глава седьмая

– Вот они.

Тея показала на автомобиль Гевина, свернувший на стоянку. Они с Авой ждали их на скамейке возле ресторанчика уже минут пять. Наверное, после спектакля у школы образовалась пробка. И очень кстати, потому что Тее нужна была пара-тройка минут, чтобы прийти в себя. И не потому, что Гевин попросил ее успокоиться. Где это видано, чтобы женщина успокаивалась по просьбе мужчины? Ей просто нужно было прийти в себя от всех его новых штучек.

Пока не кончится этот вечер, о покое можно забыть. Тея готова была убить Гевина за предложение поужинать в ресторане. Знал ведь, что девочки начнут канючить, а она не сможет им отказать.

Тея поднялась, заметив на парковке Гевина и Амелию. На улыбку мужа она не ответила, но он, казалось, ничуть не смутился, и каким-то образом его рука оказалась на ее пояснице. Правда, почувствовав, как Тея напряглась, Гевин опустил руку.

– О, какие у нас гости! – воскликнула, увидев их, Эшли, официантка, которая работала у Стеллы с давних времен и знала девочек совсем крошками. – Ребята, не видела вас с лета! – При виде девочек она театрально ахнула. – Ох, черт возьми, а вот оленей-то мы не обслуживаем.

– Мы оленята, – радостно поправила Амелия. – У нас сегодня был школьный мюзикл!

– Школьный мюзикл? Да ну, какая школа! Ни за что не поверю! Вы же еще маленькие. – Эшли подмигнула Тее и показала жестом, чтобы они шли за ней. – Ваша любимая кабинка свободна.

Именно из-за этого Тея и любила жизнь в маленьком городке. Здесь, в ресторанчике, они были завсегдатаями с собственной кабинкой. Что может быть уютнее местечка, где все знают вас по именам, а меню не меняется годами? Милые традиционные семейные посиделки, которых никогда не было у Теи с Лив в детстве. Вот только не утратят ли ужины в кафе часть своей прелести, когда их семья превратится из квартета в трио?

Девочки следовали за Эшли через лабиринт столов, украшенных скатертями в красную клетку и вазами со свежими цветами, которые меняли каждое утро. Между белыми, как в фермерских домах, ставнями Стелла протянула шпагат и повесила на него фотографии постоянных клиентов с семьями. Было там и их фото. Через несколько месяцев хозяйке, наверное, придется снять его...

Девочки шмыгнули в кабинку и уселись друг напротив друга. Тея с облегчением вздохнула. Ей не хотелось сидеть рядом с Гевином. Ребячество, конечно, и все же...

– Вам как обычно? – спросила Эшли, когда все устроились. – Воды и шоколадного молока?

– Прекрасно, – ответил Гевин. – Спасибо.

– Я хочу жареный сыр, – сказала Амелия, вскочив на колени и опершись локтями о стол. – С яблочным соусом.

– А что хочешь ты, малыш? – спросила Тея Аву. – Тоже жареный сыр?

Ава пожалала плечами. Тея вздохнула. С Авой нужно что-то делать, она все время угрюма, ведет себя дерзко и вызывающе. Но Тея не собиралась ей сейчас все выговаривать. Сегодня волнений и так было предостаточно. Да и могла ли она ругать дочку лишь за то, что та еще слишком мала и выражает свои чувства как может. Не стоит требовать от маленьких детей слишком многого.

Ей вспомнилось, как отец подал на развод. Тогда мать Теи несколько дней не выходила из своей комнаты. В конце концов Тея постучала и пожаловалась, что голодна, а мать крикнула

ей, чтобы она выросла поскорее и перестала быть такой эгоисткой. Тее было всего десять. После этого они с Лив научились готовить себе еду сами.

После развода Тея собиралась отправить девочек на консультации к детскому психологу. Кто знает, может, в свое время им с Лив таким образом удалось бы избавиться от душевных ран. Дай бог, это поможет и Аве привыкнуть к новой ситуации.

Официантка принесла им напитки, приняла заказ и снова ушла, оставив их в напряженном молчании.

– Маргаритки, – вдруг сказал Гевин, глядя на вазочку в центре стола. Он улыбнулся Амелии. – Когда я впервые увидел маму, у нее в волосах была маргаритка.

Амелия хихикнула.

– У мамы? Маргаритка?

– У меня? Маргаритка?

Гевин посмотрел на Тею.

– Она была вплетена в косичку.

– Мапочка, почему у тебя в косе была маргаритка? – спросила Амелия.

– Не знаю. Я такого не помню.

– Жаль, – тихо сказал Гевин. – А вот я никогда этого не забывал.

– Мама любит одуванчики, – проворчала Ава.

Тея растерянно поморгала и оторвала взгляд от Гевина. Он не сводил с нее глаз, как и во время спектакля. И в субботу смотрел на нее так же пристально. Будто видит ее впервые. А может, так и было. Годами ей казалось, что он ее вообще не замечает.

Тея ласково погладила Аву по голове.

– А больше всего – одуванчики от тебя.

Неловкость повисла в воздухе, как густой тяжелый туман. Тея вытащила цветные карандаши и книжки-раскраски, которые всегда носила в сумочке, чтобы девочки были чем-то заняты, оказавшись вне дома. Однако на этот раз Тея использовала их, чтобы занять себя. В течение нескольких минут она помогала Аве раскрашивать картинку, а Гевин только нервно покашливал.

– Ну, – начал Гевин, поглаживая стакан с водой. – К-когда начинаешь учиться?

Тея не сводила глаз с книжки-раскраски.

– Если меня примут, занятия начнутся этим летом.

– Так это всего на один семестр?

Она фыркнула.

– Ну, это если учиться очно. Но я же не могу, у меня девочки, поэтому все растянется на восемнадцать месяцев.

– Восемнадцать месяцев, – повторил он. – Не так уж и долго.

– Рада, что ты одобряешь.

– И что дальше? Когда получишь диплом?

– Буду художником. Как я всегда мечтала.

Он долго молчал, прежде чем ответить.

– Это, ну, здорово. Рад, что ты в-возвращаешься к искусству.

– Я тоже.

Принесли еду, и теперь, когда нужно было помогать девочкам и одновременно есть самим, к облегчению Теи, им было не до разговоров. Когда они ждали десерт – они всегда заказывали целую сковородку брауни на всю семью, – в зале появилась сама Стелла и подошла к их столику поболтать.

– Я только что вас вспоминала, – сказала она. – Давненько вы у нас не бывали.

– Некогда, все дела, дела, – автоматически ответила Тея, солгав настолько естественно, что сама почти поверила. – Девочки ходят в детсад, да еще на уроки танцев, так что нам трудно выбраться.

– Где проведете праздники?

– Пока не знаем, – произнесла Тея.

Амелия с шоколадными усами под носом подняла глаза на хозяйку.

– На День благодарения мы собираемся в Огайо, к бабушке и дедушке.

Вот досада! Тея пока не сказала девочкам, что поездку к родителям Гевина придется отменить. Она надеялась, что дети забыли, ведь они с Гевинком говорили об этом больше двух месяцев назад. Но малышки редко забывали о поездках к бабушке и дедушке, которые обожали их до безумия и ужасно баловали.

– Что ж, был такой план, но... – Тея попыталась выкрутиться, но ничего не вышло. Ее способность лгать с ходу иссякла. – Но придется провести праздники здесь.

– Я хочу к бабушке! – заныла Амелия.

– Я тоже, – вторила ей Ава голосом на октаву выше.

Тея погладила Аву по ноге.

– Малыш, поговорим об этом позже.

– Но почему, почему мы не можем поехать? – ныла Амелия.

– Амелия, – тихо, но твердо сказал Гевин. – Мама сказала, мы поговорим об этом дома позже.

– Но ты больше не бываешь дома!

Последовала прямо-таки театральная пауза. Не хватало только скрипа заезженной пластинки или верещания сверчков, как делают режиссеры, чтобы усилить эффект тишины.

– Что ж, – произнесла Стелла. Ее щеки порозовели, она не успела сделать вид, будто не поняла, что Амелия сейчас объявила на весь ресторан о расставании Теи и Гевина. – Приятно было повидаться. Пойду за десертом.

Она ушла, тут-то и начался настоящий ад.

– Мы поедem к бабушке? Ну пожалуйста, – заныла Амелия.

– Не в этом году, лапуль, – ответил Гевин.

– Но почему?

– Солнышко, я слишком занят, у меня игры.

Ава плюхнулась на сиденье, недовольно надув губы.

– Папа почитает нам сегодня? – спросила Амелия.

Тея впилась пальцами в висок.

– Милая, сегодня вечером папа не сможет.

– Почему? – жалобно спросила Амелия, и ее губы задрожали.

– Эй, – бодро сказал Гевин, прижимая Амелию к себе. – Я на днях зайду и почитаю вам, девчонки, хорошо?

– А я хочу сегодня!

Плотина прорвалась. По лицу Амелии побежали крупные слезы. Тут же, как и положено близнецам, ударились в плач и Ава. А когда Ава плакала, она делала это очень громко. Вдруг она выкрикнула:

– Не хочу, чтобы папа играл в бейсбол!

В зале снова повисла напряженная тишина, и Ава зарыдала еще громче. А затем Амелия крикнула:

– И я не хочу, чтобы папа играл в бейсбол!

Теперь в их сторону смотрел весь ресторан. Гевин тихонько пробормотал «вот черт!» и провел руками по лицу.

Дрожа всем телом, Тея обняла Аву за плечи.

– Дорогая, почему ты не хочешь, чтобы папа играл в бейсбол?

Ава вытерла лицо ладонью. Белые точки от оленьего макияжа размазались по щеке длинными полосками.

– Потому что из-за него он все время уходит, и вы с ним говорите друг другу страшные слова.

Тея подняла глаза и встретила взглядом с Гевин. В его глазах она прочитала собственные мысли.

– Когда это мы говорили друг другу страшные слова? – спросил Гевин.

– Когда папа сделал большой хоум-ран. – Ава икнула. – Сначала вы издавали звуки борьбы, а потом стали говорить страшные слова.

Жар залил шею и лицо, Тея сразу все поняла. Очевидно, той ночью Ава проснулась и услышала, как они занимаются сексом, – это единственное, что могло означать «звуки борьбы», а потом и их ссору.

Лицо Теи дрожало, как желе в форме, она снова подняла взгляд на Гевина. Они встретились глазами – его болезненными, ее мутными. Девочки плакали. Посетители ресторана глазили на них. По коже Теи пробежал холодок. И неожиданно для себя она выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.